

The background of the cover is a dramatic painting. It depicts a stormy sea with a large rainbow arching across the sky. In the foreground, a ship with a flag is visible on the left. In the background, a large, dark, rocky island or cliff is visible. The overall mood is dramatic and intense.

Дана Канра

Путь Миритов

Недобрые восходы

Дана Канра

Пути Миритов. Недобрые всходы

«Издательские решения»

Канра Д.

Пути Миритов. Недобрые всходы / Д. Канра — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965850-0

На склоне умирающего кватриона к четверем Хранителям родных земель приходят боль и счастье, печаль и радость, смерть и жизнь. Перед лицом новой эпохи они найдут себя или потеряют, спасут страну или предадут, казнят друга или пощадят врага. Третьего потомкам наместников мифических Миритов не дано, и каждый возьмет или получит то, что заслужил по праву. Им суждено встретиться на коронации, а что будет потом, известно лишь Творцу.

ISBN 978-5-44-965850-0

© Канра Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Запад	6
Пролог. Юг	12
Пролог. Север	19
Глава 1. Аминан Анвар	31
Глава 2. Ли Найто	40
Глава 3. Аминан Анвар	47
Глава 4. Камилла Моранси	57
Глава 5. Грета Ларсон	64
Глава 6. Ирвин Силиван	72
Глава 7. Фрэнсис Эртон	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Пути Миритов Недобрые всходы

Дана Канра

© Дана Канра, 2019

ISBN 978-5-4496-5850-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Запад

Шагов за стеной не слышу, никто не стучится в дверь,
Стрекочут, не умолкая, сверчки под моим окном.
Крыльцо подмести хотел я, да только зачем теперь?
Никто не придет отныне в мой старый забытый дом.
Сиан Тиао. «Строфы одиночества».

Прощание с родовым замком для Фрэнсиса Эртона было донельзя тяжёлым и мучительным, хотя он изо всех сил старался не подавать виду. Но тоска всё равно пряталась в уголках его выцветших серых глаз, в горестной улыбке, в хриловатом от старости голосе. Явиться на коронацию – дело святое, если он не в изгнании и не при смерти, однако в душе Фрэнсиса змеей шевелилось неприятное опасение. Собственная старость и отсутствие наследника угнетали герцога Эртонийского куда сильнее, чем нежелание ехать на коронацию.

Он снова смотрел в чистое зеркало и видел беспомощного седого старика, который, несмотря на мундир родовых цветов и обилие наград за отличную службу, бессилен перед собственным родом. Только что поделать? Уголок его рта нервно дернулся, и Фрэнсис тут же отвел от отражения измученный взгляд. Нельзя оттягивать начало поездки, чтобы среди свиты не пошла молва о его старческой немощи.

То ли по давней привычке, то ли мельком вспомнив свою не слишком целомудренную молодость, Фрэнсис Эртон подумал, что, может быть, это его судьба – не оставить после себя сыновей. Сколько у него было женщин – и молоденькие крестьянки, и девушки званием повыше, и даже одна благородная дама, жена покойного графа Ноттена, чьи родовые владения граничили с Аранией, а ныне были по непонятным причинам разорены. Ни одна из них, за исключением собственной жены, не родила мальчика от герцога Эртвестского. У графини были сыновья, но до такой степени похожие на отца, что сомневаться не стоило. Разве что...

Гульда из Талнора была скорее зрелой, чем свежей, не блистала яркой красотой и не умела чаровать изысканными манерами. Но в молодые годы Фрэнсис любил повторять подхваченные у приятелей насмешливые максимы: «Только скот ежедневно ест одну и ту же пищу», «Если не разнообразить жизнь, быстрее состаришься», «Вино надо открывать и пить, а не смотреть на бутылку». К тому же лютнистка ныне покойной герцогини так опускала глаза, когда пела нескромную балладу, в которой герои смели – подумать только! – целоваться, что хотелось научить ее чему-то по-настоящему бесстыдному.

Он и научил. Так хорошо научил, что она в один ужасный день прибежала к нему вся в слезах, причитая, как служанка. Он мало что различил из ее бессвязного бормотания – только про какую-то знахарку, которая дала ей траву, а трава не помогла, и непонятно, что ей теперь делать.

Фрэнсис придумал, что делать. Вызвал одного из своих вассалов, неано Холта, молодого и небогатого, но умеющего поймать удачу за вихры, предложил ему большое приданое и рекомендательные письма на хорошую должность, если он искупит «свой грех», и дело было решено. Фрэнсис был успокоен, вассал удовлетворен, герцогиня, которая все-таки не была слепой, весьма обрадовалась, а что думала новоиспеченная замужняя женщина, никого не волновало – ей следовало быть благодарной и за такой исход событий.

На прощание, когда все думали, что он дает ей суровые назидания, он шепнул:

– Если будет мальчик, сообщи мне.

Гульда, которая до того не поднимала глаз, насмешливо на него посмотрела и не сказала ни слова.

Герцогиня тогда начала стыдить ее за гордыню и дерзость, герцог ей вторил, и даже молодой супруг не утерпел, чтобы не вставить несколько оскорбительных слов, а Гульда, словно окрепнув, вскинула голову и, рука об руку с мужем покинула замок Эртонов.

Письмо не пришло, зато супруга родила здорового и красивого сына Арнольда. Если бы он не погиб в семнадцать лет, отправившись по приказу северного командования в открытое море, герцог Эртвестский и думать забыл бы о той девице, но теперь то и дело ее вспоминал. Она могла не написать, потому что родилась девочка, или потому, что умерла вместе с ребенком, или из упрямства не пожелала сообщить о своем сыне. В любом случае, сразу по возвращении с коронации стоило попытаться найти Гульду. Эртвесту нужен хозяин, иначе драгоценный кузен Эдвард быстро упрячет в суму замок и титул.

Ведь герцогиня умерла, родив дочерей, а жениться снова Фрэнсису вовсе не хотелось – слишком сильно овладело им смешанное чувство из досады и скорби, в котором, впрочем, досада преобладала.

За дверью слышались голоса, которые отвлекли от раздумий о прошлом и будущем. Девочки хотели его проводить, и герцог Эртвестский должен был глядеть веселее, не огорчая их раньше времени.

– Здравствуйте, отец, – прозвучало двойное звонкое приветствие.

Обращаясь к нему, дочки любили говорить именно так: хором, словно они – одно целое. Хотя, возможно, таковым Вилма с Вивьен и являлись: обе белокурые, зеленоглазые, с нежными красивыми лицами. Фрэнсис любил их, но несколько раз его посещали неверные мысли о том, как было бы здорово, если бы вместо умненькой и расчетливой Вилмы родился мальчик. Но Всевышнему виднее, каких детей дарить герцогским семьям.

– Я рад вас видеть, дочери мои, – произнес он, сдержанно улыбнувшись.

Одна из них, та, что родилась последней, забрала жизнь его жены, но сейчас, в старости, герцог Эртвестский редко вспоминал об этом. Тогда он не спрашивал, какая из девочек родилась второй, – слишком тяжкое горе нахлынуло на него солеными волнами, а теперь Фрэнсис уже давно не думал об этом. Стоит ли держать зло на ни в чем не повинного ребенка?

– Мы пришли проститься с вами, отец, и выслушать ваши распоряжения, – герцог мягко улыбнулся.

– Для начала – перестаньте пока говорить хором, а то я вас не понимаю.

– Простите, отец, – слитно ответили девушки.

Отец засмеялся, Вилма тоже, Вивьен опустила глаза и ярко покраснела.

– Не смущайтесь, дочери мои, и не тревожьтесь. Мои распоряжения будут просты: ведите ту же жизнь, какую вели бы в моем присутствии. Присматривайте за хозяйством, трудитесь, отдыхайте, вышивайте, читайте, гуляйте, принимайте подруг, только держитесь в рамках приличия. Вивьен, это я говорю и тебе: не сиди дома затворницей, твои цветы и вышивки не пропадут, если ты раз или два в неделю проедешь верхом. А ты, Вилма, наоборот, лучше побольше проводи под крышей, а если будешь гулять, не увлекайся. Я слышал, тебя видели в обществе наследника графа Силивана.

– Мы встретились случайно, отец, – ответила Вилма. – К тому же со мной были грум и камеристка.

– Верю, дочь моя, но все же будь осторожна, воду из разбитого кувшина не собирать.

– Я помню, отец, и буду осторожна, – Вилма чуть склонила голову.

Герцог только покачал головой. Вилма была умна и сообразительна – пожалуй, умнее Вивьен во всем, что не касалось хозяйства и рукоделий. Гордостью и самолюбием она тоже превосходила скромную сестру. Но что стоит гордость, что говорит ум, когда у мужчины белозубая улыбка, приветливая речь и ясные черные глаза.

– Я хочу также отдать некоторые распоряжения на тот случай, если я не вернусь, – продолжал герцог. – В моем кабинете, в футляре зеленого сафьяна, я оставил для вас письмо. Если я вернусь домой благополучно, забудьте о нем, если же со мной что-то случится...

– Отец! – снова вскричали хором дочери, до сих пор не сумевшие принять гибель Арнольда.

– Если со мной что-то случится, – твердо закончил герцог Эртвестский, – выполните все, что в нем указано, как можно точнее и лучше.

С одной стороны прощальные слова звучали жестоко, но с другой, его дочери выросли, и нет смысла давать им ложные надежды. Поэтому Фрэнсис только улыбнулся, обнял обеих и снова посмотрел в зеркало. Теперь отражение старика в бело-зеленом мундире показалось ему бодрее и спокойнее, а может, ему просто хотелось утешить себя. Мелькнуло легкое сожаление, что Хелена, его покойная супруга, не видит его сейчас. Но она будет ждать его в Живом Лесу, пока он сам не придет к ней.

– Мы постараемся, отец, – пообещала Вилма.

– Постараемся, – вторила Вивьен.

Наверное, ему должно стать сейчас очень грустно, но ничего подобного не случилось. Фрэнсис Эртон почувствовал себя помолодевшим и бодрым. Это замечательное настроение для поездки на коронацию. Вот только осталось дожидаться своих вассалов. С ним должны были поехать все четыре вассала: Холт, Мейсон, Аллен и Шелтон; насколько герцог знал, другие Хранители тоже брали своих вассалов с собой, но вот Силиваны, к числу которых принадлежал

ухаживающий за одной из его дочерей юнец, по неизвестным причинам оставались в прохладном Эртвесте. Хоть и не все. Но ему не нравилось кое-что другое. А именно: вместо Джона-тана Мейсона, потерявшего на войне ногу, поедет его единственный сын Дин. Мальчишке едва исполнилось шестнадцать лет и его, для сохранности, записали в порученцы Фрэнсиса. Если быть честным с собой, то сначала герцог просто посочувствовал семье вассала. Сейчас же, после недельного общения с неспособным усидеть на месте Дином, Фрэнсис испытывал легкое беспокойство.

– До свидания, дочери мои, – выдохнул он, сделал шаг вперед и обнял обеих девочек сразу.

Девочки прильнули к нему с двух сторон, и правая щека стала влажной. Конечно, это были его слезы – Вилма и в детстве никогда не плакала.

– Доброго вам пути, отец, – сказали девочки, и голос Вилмы показался непривычно звонким. Значит, все-таки она.

Герцог вышел из комнаты и зашагал по коридору. Из соседнего прохода чуть ли не вприпрыжку выскочил молодой человек, а скорее даже мальчик, на вид лет шестнадцати.

– Герцог, вас ожидают, – выпалил он, уставившись на Фрэнсиса сияющими глазами.

– Ведите себя прилично, – сухо ответил герцог, на старости лет взявший в привычку разговаривать с окружающими суровее, чем с дочерьми. – Следуйте за мной.

Фрэнсис шел не быстро: годы и старые раны никому не придают сил. Поэтому юный Мейсон то и дело едва не опережал его, а потом долго перетаптывался за спиной, ожидая, пока герцог отойдет на некоторое расстояние, и тут же снова срывался с места. Слушать его отрывистые шаги и нетерпеливое, как у стригунка, дыхание, Фрэнсису быстро надоело, и он с радостью пропустил бы мальчишку вперед, но это было бы вопиющим нарушением этикета, разве что герцог дал бы своему порученцу задание. Увы, все, что следовало сделать, уже было сделано, что-то слугами и свитой, что-то Дином – кстати, весьма неплохо. Теперь приходилось терпеть. Вдобавок мальчишку, кажется, распирало от желания поговорить, а начать беседу первым он не имел права.

Уже у дверей герцог смилостивился над юным Мейсоном и спросил:

– Полагаю, вы предвкушаете, что скоро увидите красоты столицы?

– Да, монсеньор, – поспешно кивнул Дин. – Отец рассказывал, что там прекрасно.

Прекрасно-то прекрасно, но ровно до тех пор, пока вот такие юнцы приезжают и начинают с самоуверенным видом творить жутчайшие глупости. Чего греха таить, и он, Фрэнсис, когда-то ничем от них не отличался и был рад, что помнит это до сих пор. Но тем не менее он надеялся, что виконт Мейсон не помчится, очертя голову, ввязываться в неприятности на следующий же день после приезда.

– Он был прав, молодой человек, – согласился с Джонатаном Фрэнсис, слегка улыбнувшись. Воспоминания о прошлом нахлынули на его. – Может быть, если вы станете вести себя достойно, я расскажу о некоторых проделках вашего отца в молодости.

Мейсон просиял.

– Но только немного погодя, – заметил Фрэнсис, – сначала мы должны выехать.

– Я понимаю, монсеньор, – мальчик широко улыбнулся.

Фрэнсис неодобрительно покачал головой. Конечно, Дина можно было понять, но все-таки в его возрасте и положении следовало бы воспитывать в себе спокойствие и выдержку.

Если уж его отец этим не занимался, значит, герцог Эртвестский попробует сам приучить молодого человека к хладнокровию и терпению.

Когда наконец тронулись в путь, бедный Дин уже места не находил, и Фрэнсис с усмешкой сказал:

– Ну, спрашивайте же. Что вам рассказать?

– А что вы можете, монсеньор? – деловито осведомился графский наследник.

– Ну, например, о том, как ваш отец добывал локон прекрасной дамы.

– Матушкин? Да, они мне рассказывали, – кивнул Дин. – Они до сих пор его берегут.

Выходит, жизнь ничему не научила графа Мейсона, и он попытался повторить свою глупую выходку? Если Дин пошел в него, с ним будет много трудностей.

– О, нет, – ответил он, – до того, как ваш отец познакомился с вашей матушкой, он считал своим долгом вздыхать по столичной красавице. Правда, в дамы сердца он выбрал не знатную графиню, а племянницу одного барона, жившую у него из милости, но, надо сказать, очень красивую девушку с чудными золотыми локонами. Ваш отец залез, как водится, в окно, срезал своим кинжалом локон, и...

Фрэнсис сделал изящную паузу.

– Мало того, что бедняга чуть не оглох от криков и не лишился глаз из-за чужих ногтей. Когда ваш отец спасся бегством, надо сказать, не слишком почетным, он обнаружил, что локон, с таким трудом и кровопролитием добытый, не золотой, а седой. Он по ошибке забрался в комнату старой камеристки. А может быть, эта милая девушка заблаговременно поменялась с верной служанкой спальнями.

Фрэнсис рассмеялся, но смолк, когда увидел, как нахмурился Дин.

– Монсеньор, – сказал тот, – конечно, я не вправе учить вас, но разве то, что вы сейчас делаете, хорошо? Ведь вы говорите, что мой отец ваш друг, а теперь над ним смеетесь. И эта девушка... она бедна, но ведь это не значит, что о ней можно говорить в том же тоне, что и о бесчестных женщинах. То есть...

Дин перевел дыхание и замолчал. Его щеки и уши полыхали, глаза блестели не то от гнева, не то от слез.

– Это не насмешки, молодой человек, – резонно и нисколько не сердито промолвил герцог Эртон, задумчиво глядя вперед, – это рассказ о бурной молодости вашего отца. Бывало еще много различных случаев. Неужели вам неинтересно? Что же, тогда могу рассказать о военных походах и том, как ваш отец отличился там. Или, может, вы поведаете мне историю с локоном вашей матушки?

Лошади ехали медленно и спокойно, на Эртонийском тракте погода выдалась умеренно-теплой, а на небе не выплыло ни единого облака с утра, но даже несмотря на такой прекрасный день уходящего лета, в душе Фрэнсиса медленно, но верно нарастала странная тоска. От воспоминаний ли про женщин, с которыми он был или о мыслях про невозвратную молодость?

Порученец не нарушал его размышлений: видимо, был порядком обижен и не желал разговаривать с герцогом. Фрэнсис на пробу позвал его, но тот не повернул головы.

– Так что же, вы будете слушать о военных походах и первом бое вашего отца? Или предпочитаете скучать всю дорогу в молчании?

Дин Мейсон безмолвствовал.

– Вам часто будут говорить неприятные и обидные вещи, в столице это любят и умеют, – продолжал Фрэнсис. – Если вы будете дуться из-за каждого пустяка, то прослывете дурно воспитанным чудачком, а это не слишком благотворно влияет на карьеру. А если вы приметесь хвататься за оружие, то долго не проживете.

Дин послушал, машинально кивнул и повернул голову.

– Тогда, монсеньор, – попросил он, – расскажите и вправду что-то об отце. Только, пожалуйста...

– Не о дамах? – уточнил Фрэнсис.

– Не совсем. Я имел в виду – не рассказывайте то, что отец сам не желал бы мне рассказать, – закончил Дин и затеребил повод коня.

– Следите за руками, молодой человек, – заметил Фрэнсис. – Что ж, расскажу. Не знаю только, не буду ли я повторяться. Вы наверняка знаете наизусть все, что отец желал вам сказать.

– Вы наверняка знаете, – в тон ответил Дин, – что отец не любит много разговаривать.

Это было так. Джонатан Мейсон являлся неразговорчивым человеком, но в молодости он любил и поболтать, и выпить, и был горазд на глупые юношеские выходки... Страшно подумать, что делает с людьми война... Прерывисто вздохнув, Фрэнсис посмотрел на внимательно глядевшего на него юношу и начал рассказ о захватывающих молодых годах Мейсона-старшего.

Пролог. Юг

*Стереги мою супругу,
Покуда я в походе,
Поклянись крепкой клятвой*

Быть ей ближе брата,
Охраняй от обид,
Блюда от бесчестья,
Одного не осмелся —
Желать ее в жены.
Северная история «Дагне, Алвис и Хемминг»

Аминан Анвар, герцог Эн-Меридский, откинул пеструю занавеску и вошел на половину матери. Здесь было очень тихо, немного душно и пахло курениями. Служанка поклонилась и молвила:

– Госпожа ждет.

Аминан вошел в комнату, которая, кажется, нисколько не изменилась с его детских дней: те же ковры и подушки на полу, цветы в вазах, ни одной картины на стене и дурманный запах благовоний. Среди ярких красок и пестрых узоров резко чернела фигура в траурной одежде. Когда Аминан вошел, она медленно повернулась к нему.

– Вы явились, сын мой, – сказала герцогиня.

– Я пришел просить благословения матери, – ответил Аминан и опустился на колени.

Полуседающая худощавая женщина с неправильными, но притягательно яркими чертами лица, подошла к нему. Ее губы были плотно сжаты, карие глаза смотрели перед собой. Герцогиня протянула тонкую смуглую руку и коснулась головы сына.

– Пусть твой путь будет легким, а возвращение желанным. Пусть плачут твои враги и поют друзья, ожидая тебя.

– У меня нет друзей, которые будут меня ждать, – глухо сказал Аминан, вставая.

– Сейчас нет, – кивнула женщина. – Но, может быть, они появятся. Я желала бы, чтобы это случилось. И чтобы у одного из них была сестра... или дочь, – добавила женщина.

– Мне нет прощения, – как тысячу раз до этого, проговорил Аминан.

– На тебе нет вины, – ответила герцогиня – тоже как тысячу раз до этого. – Ты выбрал из двух правд, и ты выбрал. Если наш род и прервется, то это будет награда за верность, а не наказание за предательство.

Аминан склонил голову и глухо вздохнул.

– Прости, мать моя, но мне пора пускаться в путь.

– Пора, сын мой, – ответила она. – Я выйду тебя проводить. Лейла, накидку. Алия, займись моими волосами.

К госпоже подошли две служанки. Алия легко и быстро переплела волосы герцогини и собрала их в простой узел. Лейла набросила на голову госпожи Ясмину длинное черное покрывало, расшитое по краю серым жемчугом.

– Идем, сын мой, – негромко, но властно сказала герцогиня Ясмина.

– Идем, мать моя, – ответил он и предложил ей руку.

Лейла и Алия собрались следовать за господами, но герцогиня покачала головой.

– Оставайтесь здесь. Впрочем, нет. Лейла, принеси ледяной воды. Алия, достань маду.

Сыну и матери недолго пришлось идти: замок был невелик. У самого выхода госпожа Ясмина остановила Аминана.

– Мальчик мой, – прошептала она и порывисто прижала его к себе. Сын прижался щекой к плечу матери и тоже крепко ее обнял.

– Пожалуйста, пусть все будет хорошо, – проговорила она, – пусть мое благословение будет сильнее чужих проклятий.

Она отстранилась и поспешно вытерла слезы.

– Не надо, матушка, не плачьте, – попросил Аминан.

– А мада? – спросила она и шмыгнула носом. – Ступай уже, иначе я прямо тут расплачусь, и все пропадет зря.

Аминан вышел из дома, но не сразу шагнул к ожидающей свите. Он внимательно смотрел, как мать идет по коридору и черное покрывало крыльями колышется над ее плечами. Она шла торопливо: должно быть, спешила к заветной маде. В детстве он всегда смеялся над глупым поверьем, а сегодня от стыда за былой смех болела душа.

Может быть, магия мады и не помогала, но хотя бы позволяла облегчить страдания. Когда сердце обливается кровью, а глаза остаются сухими, можно умереть от горя. Хорошо, что у южных женщин есть мады – заветные кувшинчики, в которые надлежит собирать слезы, чтобы излить их на землю или воду, выплеснув самую нестерпимую боль. Мужчины утешают свои страдания битвами и науками, женщины – слезами и разговорами, и каждый, не различая пола, – стихами и трудом.

Аминан прошел к своей свите и при помощи слуги сел на серого коня.

– Едемте, – негромко приказал он.

– Да, ваше сиятельство, – откликнулись его спутники – их было не слишком много.

Будь воля Аминана, он ехал бы в полном одиночестве, в простой одежде, останавливаясь в скромных придорожных трактирах и не привлекая ничьих глаз. Но герцог Эн-Меридский не имел права на подобную дерзость. Ему предстояло ехать вместе с теми, кто остался ему верным, через владения тех, кто сейчас называл его предателем, за глаза, а лет шестнадцать назад и в глаза. Если бы не тот королевский закон, род Анваров, наверное, уже пресекся бы. Хоть на это хватило памяти о старой дружбе и благодарности.

Может быть, новый король будет иным. Может быть, может быть... какие странные слова. В них пустая надежда, мольба о спасении, слепая неуверенность, насмешливое сомнение...

– Аминан, ты так уморишь и коня, и нас, – шепот пробудил его от ненужных мыслей. – К тому же так отрываться от охраны небезопасно.

– Адис? – осадив коня, он посмотрел на друга. – Ты тоже здесь?

– Где же мне еще быть? – ответил тот. – Не в Шавае же. Прости, – добавил он.

Должно быть, Аминан снова изменился в лице. А в его годы пора бы уже научиться владеть собой. Вступив в возраст, когда можно уже иметь внуков, не должно выдавать своих чувств.

– Тебе не за что просить прощения, – ответил Аминан – Если кто-то и виновен, то я.

– Я уже говорил тебе, не надо брать на себя вину за все, что происходит в мире. Не ты замыслил мятеж и не ты давал клятву дружбы, когда собиралось свержение. Но не будем больше говорить об этом, по крайней мере до тех пор, пока не окажемся наедине.

Аминан умолк и опустил глаза. Не говорил ни слова и Адис Бедиль, граф Шавайский, спутник, вассал и единственный друг Аминана Анвара. Им следовало помолчать, хотя бы ради уважения к последнему поступку Хранителя Юга, оттолкнувшего от него всю родню. Те, кто покушались на покойного ныне короля Антуана Третьего, не желали иметь с ним дела, за исключением, пожалуй, матери. Но Аминан сейчас жалел не себя, а молодого Виктора Моранси, на чьей коронации ему предстояло появиться через две недели.

Кто защитит растерянного мальчишку, за которого вышла замуж южная девица, и который просто взял ее в жены, даже не понимая, в чем опасность? Очевидно, именно ему, Аминану, придется стать юному королю опорой, не забывая умирять своих вассалов. У престарелых Инамов нет сыновей, лишь восемнадцатилетняя дочь, ставшая королевой, и теперь эти стервятники, по-другому назвать их было сложно, желали урвать себе хоть немного от обширных владений Инамов, когда те умрут. Но по фиаламским законам, завещанное королеве становится собственностью короля – разумеется, пока он или его потомок не захочет наградить кого-нибудь из верноподданных.

Нежданно-негаданно нахлынули на герцога Эн-Меридского мысли о собственной неустроенной холостяцкой жизни. После жестоких распрей с семьей он надолго затворился в родовом поместье и никого не желал видеть, а позже, когда его душа оправилась от потрясе-

ний, Аминан понял, что не хочет связывать себя узами брака. Ясмина Анвар, добрая и мудрая женщина, понимала сына, а если и хотела мягко настоять на своем, то не решалась.

С другой стороны, если бы герцог отправил сватов к кому-то из знатных девиц Юга, а точнее, к их отцам, ему, скорее всего, отказали бы. В здешних краях долго помнили былое, а свои обиды и чужие грехи лелеяли и берегли, как редкие ядовитые цветы. Затворить ворота перед герцогом, разумеется, никто бы не посмел, но ни один южанин не отдал бы свою дочь или сестру предателю. Разве что брат его матери мог бы снизойти до этого, ведь он и сам был отчасти предателем, потому что не примкнул к убийцам короля. Но, по старинному закону, браки между двумя благородными семействами могли заключаться не чаще, чем трижды в кватрион, дабы избежать вырождения, а супружество его отца и матери было как раз третьим. Герцог мог бы поискать себе жену среди знати других провинций. Однако он был южанином до мозга костей и привык думать, что муж должен быть сильным, заботливым и ласковым, жена же – скромной и послушной. То, что он знал о гордых девушках Востока, своевольных северянках, бойких девицах Запада, ни в коей мере не походило на его тайную мечту. Аминан знал, откуда взялась эта мечта: такой была старшая сестра Адиса, которую прочили в жены герцогу Эн-Меридскому. Он помнил ее тихую улыбку, опущенные ресницы, от которых на нижние веки падали тени, и тонкие пальцы, постоянно сплетенные в замок. Помнил он изящный росчерк лица, очень смуглого даже для южанки, и неправильные, но четкие и яркие черты. Аминан помнил все, забыл только ее имя, а за кого ее выдали после разрыва помолвки, и вовсе не желал знать.

Об этом они с Адисом почти никогда не разговаривали, чтобы не пробуждать печали и хандры. И то и другое Аминан старался гнать от себя подальше, дабы не впасть в тяжелую кручину, потому что в жизни еще много интересного, кроме девиц, если посудить, и, кроме того, он нужен своей стране. А если суждено ему богом встретить ту, единственную, значит и быть тому.

– Не хочешь ли поехать галопом? – спросил тем временем Адис, явно заметив тень печали на лице друга.

– Нет, благодарю, – в любой другой раз Аминан бы согласился, но сейчас, снова ощутив тяжесть свалившихся на него шестнадцать лет назад бедствий, он был бессилен даже заставить коня слегка ускорить шаг.

Адис, который всегда хорошо понимал, что чувствуют другие, смолк и стал смотреть вперед, на широкую дорогу и степную траву, которая, пожелтев и выгорев после долгих дней зноя, снова стала оживать, перемежаясь, где молодой зеленью, где своенравными южными цветами, которые распускаются не в определенную пору года, а когда пожелают – или сумеют.

За разговорами и размышлениями Аминан и не заметил, как день стал клониться к вечеру. Солнце скатилось с высокого синего неба, тут и там отмеченного легкими облаками, и не слепило глаза, а мягко согревало правый висок. Сдобный дух согретой травы, до того витавший в воздухе, рассеялся. Потянуло свежим ветром, под которым ковыли подрагивали, точно струны лютни под невидимой рукой.

– Нам все же стоит поторопиться, – сказал Адис, – иначе мы не успеем добраться до постоянного двора засветло.

– Верно, – кивнул Аминан, слегка прищипорил коня и поднял руку над головой, призывая свиту следовать за ним.

По ночам в Эн-Мериде не разъезжали, разве что если путешественник замыслил дурное дело или в дни Безумного зноя. Теперь же, когда установилась прохлада, не было необходимости так рисковать. Аминан вспомнил, что в нынешнее время года во всех четырех Провинциях царит самая приятная погода, какой можно пожелать. Не поэтому ли это пору выбрали для коронации, чтобы все, кого долг призывал прибыть в столицу, могли путешествовать с наибольшим удобством.

Тот, кто подсказал это молодому королю, был весьма разумен, и это означало, что, скорее всего, герцога Эн-Меридского по-прежнему не слишком охотно примут в столице, ведь разумные люди обычно весьма подозрительны.

Подгоняя коней, доехали они довольно-таки быстро, и суетливый человек невысокого роста выбежал им навстречу. Назвал господами, предложил хорошие еду, вино и отдых, но Аминан слушал вполуха. То ли после тяжких раздумий в дороге, то ли от чего-то еще, но его внимание притупилось, мысли рассеялись в усталой голове, и даже ненадолго пропал аппетит. Но, чтобы не вызывать лишнего волнения у Адиса, он выдавил из себя довольную улыбку и спешился.

К чересчур резвым, словно не было этого долгого дня в пути, коням, нерешительно подступились слуги, а словоохотливый хозяин постоянного двора самолично принялся рассказывать о ценах и услугах. Кажется, его звали Дениз или как-то вроде того... Убрав с лица ненужную сейчас, приветливую улыбку, Аминан щедро заплатил за себя, Адиса и свиту.

– Ну что ты... – друг смутился, касаясь своего кошелька. – Я бы сам...

– Ничего страшного, – отмахнулся Аминан.

Он никогда не был скупцом, когда дело касалось нужных трат.

– Мяса на угольях, для всех и вдоволь, – сказал Аминан, – запеченных овощей и молодого вина.

– А как насчет сладкого, благородные господа? У нас есть прекрасные фрукты, свежие, сушеные, засахаренные.

– Подайте, пожалуй, – кивнул Аминан.

– А орехов, жаренных в меду?

– И орехов.

– А как насчет шарбета?

– И шарбета, – с небрежной благосклонностью ответил Аминан.

– На всех? – сладко улыбнулся слуга.

– На всех, – твердо сказал Аминан. – Если денег не хватит, я доплачу.

– Ты не слишком расточителен? – шепнул Адис.

– Пожалуй. И дальше мне тоже придется быть расточительным, – усмехнулся Аминан. – Возможно, это будет мой единственный выезд за пределы родового поместья. Я хочу, чтобы мои люди хорошо его запомнили и вспоминали с радостью.

– Король и королева молоды...

– Не думаю, что меня пригласят на представление наследного принца. А до его коронации я могу и не дожить, особенно если первой родится девочка. Ты же знаешь нашу летнюю хворь.

Адис знал. При летнюю хворь, которая так часто поражала в дни безумного зноя, люди не мучались, просто говорили: «Что-то мне душно» и шли прилечь в тень. Потом их находили уже остывшими, точно несчастные рады были сбежать от иссушающей жары в прохладу смерти. Бедняки, которые не могли себе позволить отвлечься от трудов в самую горячую пору, обыкновенно падали, где придется, и уже не вставали. Чаще всего летняя хворь косила людей от сорока пяти до шестидесяти. Реже умирали зрелые мужчины, еще реже – дети и подростки, почти никогда – глубокие старики.

Мысль о смерти показалась ему не пугающими, а обыденными. Но к этому ощущению рассудительного спокойствия примешивалась легкая грусть. Если род Анваров прервется на нем, то его поместье разберут жадные вассалы, и уже через пол-кватриона люди забудут про древний, тянувшийся чуть ли не из самого зачатия мира, род Хранителя Юга. Им станет другой, заняв его место, наиболее влиятельный вассал. Они не отдадут земли королю, а иначе затеют войну. Когда все это началось, когда люди потеряли честь и совесть в безумной погоне за деньгами? Аминан с задумчивым видом посмотрел, как простодушно радуются его люди принесенным кушаньям, и молча сел за стол. Только сейчас он понял, что проголодался, и даже сильно. Странно, в последнее время он почти ничего не ел, а сейчас аппетит неожиданно-негаданно вернулся.

– Адис, – обратился он к другу, севшему рядом, – я должен тебя попросить...

Мысли путались, но пришлось взять себя в руки и собрать их воедино.

– Должен? И о чем же?

– Когда я умру, – в голосе Анвара сталью отдалась решительность, – стань новым герцогом Эн-Меридским.

– Серьезно? А луну с неба тебе на гербовый щит не перековать? – спросил Адис. – Хотя, раз ты просишь невозможного, придется это сделать, я ведь дал клятву дружбы.

Еще не договорив, он изменился в лице, точно отражая собой чувства Аминана.

– Прости, – вздохнул он. – Но ты ведь знаешь моих родичей, а твоих тем более. У меня есть дядя и младший брат, у тебя родня со стороны матери. Ни Бедили, ни Мистаны никогда

не упускают своего. Среди их мужчин достаточно тех, кто видит на этом месте себя, а женщины совсем не против добиться герцогства для своих мужей или сыновей.

– Я оставлю завешание, по которому моим наследником будешь ты, – твердо сказал Аминан.

– У меня тоже есть наследники, – ответил Адис. – Младший брат, например. И он всегда был нетерпеливым, насколько я помню.

Аминан упрямо опустил голову.

– И все же я хочу, чтобы ты принял Эн-Мэрид. Достойнее тебя нет человека во всей провинции. Адис, я прошу тебя.

– А я, Аминан, прошу тебя, давай не думать о смерти, – Адис мягко положил руку другу на плечо. – Мы с тобой еще не так стары. В Вете много родовитых и красивых невест, а у нас достаточно времени, чтобы узнать о них побольше. Но теперь давай ужинать.

Он молодо рассмеялся и подал пример, впившись зубами в кусок мяса. Аминан кивнул и тоже принялся за еду. Мясо успело слегка остыть и оттого стало жестковато, но превосходно подобранные специи и душистый соус искупали его недостатки. Овощи тоже были хороши, а молодое вино оказалось легким и на редкость ароматным.

– Лет через двадцать вино этого года будет стоить на вес золота, – сказал Аминан, осушая чашу.

– Если его раньше всё не выпьют, – ответил Адис и отправил в рот несколько миндальных орехов.

После ужина хлопотливые слуги стали размещать герцога и его свиту. На всех места под крышей не хватило, и конюхи с удовольствием устроились под открытым небом на циновках и коврах. Другие разошлись по комнатам, благо они пустовали. Герцогу отвели отдельные покои, но Адис последовал за ним.

Некоторое время они лежали рядом, переговариваясь ни о чем, как в детстве, когда сбегали в степь ловить птиц и ящериц. Скоро Адис перестал отвечать на вопросы и стал тихо похрапывать, а Аминан долго лежал без сна, глядя в узкое окно. Где-то жаловался степной шакал, где-то спорила с ним сова, прямо под окном звенели сверчки. Вдруг они умолкли: кто-то подошел к гостинице. Послышался звонкий девичий смех, рокошующий мужской хохот, звуки поцелуев, испуганный вскрик и совсем уж недвусмысленные звуки.

Аминан понимал, что должен бы прогнать парочку – не потому, что они поступали бесстыдно, а потому что он подслушивал чужое счастье. Но отчего-то на душе вдруг стало так спокойно и хорошо, что никому не хотелось омрачать настроение.

С этими мыслями Аминан и заснул.

Пролог. Север

«Меня, злодейка, не морочь
И не зови меня к воде», —
И дочь волны умчалась прочь,
И не видать ее нигде.
Он стал ответа поджидать,
Но девы моря нет как нет,
И вот опять он стал искать
Ее в танцующей волне.
Западная баллада «Рыбак и морская дева».

Утро выдалось сурово-прохладным для конца лета, и двадцатилетний Мартин Дальгор со всей свойственной ему серьезностью видел в этом недоброе предзнаменование. Накануне солнце прощальной лаской согревало всех, кто выходил из замка на прогулку, и прибывшие вассалы не переставали радоваться прекрасной погоде. А сегодня солнце спряталось за облаками и не собиралось показываться на небе. Мартин с будничным унынием смотрел, как деловитые молчаливые слуги выносят сундуки, и чувствовал себя отчасти виноватым. Ему не терпелось покинуть родные северные просторы, впервые за восемнадцать лет побывать в оживленной и шумной столице, но в то же время юноша чувствовал стыд. Словно этим горячим и несдержанным желанием он предавал память отца, болезненную мать, младшего брата, который обязательно будет тосковать, старый величественный замок и вассалов – всех сразу.

Сколько Мартин себя помнил, его всегда предостерегали от излишне бурного выражения чувств, не подобающего герцогу Талнорскому. Он не то чтобы овладел этим искусством в полной мере, но привык, что быть сдержанным – одна из важнейших его обязанностей, хотя иногда, как ему казалось, требовалось совсем другое.

– Ее светлость ожидает вас, – тихо напомнила Ида, которая много лет была камеристкой матери, а теперь стала почти сиделкой.

Мартин последовал за ней в комнаты на первом этаже.

– Вы уверены, что я ее не побеспокою? – вполголоса спросил он.

– Ваше сиятельство, она вас очень ждет, – Ида прижала руки к груди жестом, перенятым от госпожи. – Идите, пожалуйста, поскорее.

И Мартин вошел в материнскую спальню.

Герцогиня сегодня, против обыкновения, не была в постели, а села в кресло с высокой спинкой, положив ноги на скамеечку и укутавшись в цветастую шаль, которая делала ее совсем бледной. У колен матери, точно паж подле королевы, сидел Пауль, держа на коленях лютню. Должно быть, перед приходом Мартина младший брат развлекал герцогиню музыкой – она любила старые сказания под незатейливые мелодии, которые никто, кроме младшего сына не умел или не желал петь.

При виде своего первенца она улыбнулась обветренными губами и попросила:

– Иди сюда, Мар, я тебя обниму на прощание. Пауль, выйди пока и пройдишь, ты устал сидеть.

Пауль нахмурился, но послушно встал, слегка наклонил голову и, оставив лютню на скамеечке, вышел из комнаты.

Мартин подошел к матери и положил руку ей на плечо. Она вздохнула и притянула сына к себе. Он неловко прижался щекой к ее щеке, чувствуя запах лекарственных трав и неестественную теплоту.

– У вас опять жар, матушка, – сказал он, отстраняясь. – Я сейчас позову врача.

– погоди пока, потом Ида всех позовет и все принесет. Посиди со мной немного, Мар, что ж ты такой неласковый, не хочешь меня лишний раз обнять, расцеловать.

– Я не умею, матушка, – признался Мартин.

– То-то и оно, – с грустью вздохнула вдова. – Не научили тебя. И Пауля не научили. Хотя он хоть вспылить умеет, а у тебя и того нет.

Мартин смешался, как всегда, когда мать мягко упрекала его в бесчувственности. Возражать на это было нечего, тем более что отец обычно упрекал в излишней порывистости.

Трудно было жить при таком положении вещей, и теперь юноша сам удивлялся, как сумел сохранить спокойный нрав и не бросался из крайности в крайности. В этот раз Мартин промолчал: негоже было заводить долгие и бессмысленные разговоры перед долгой разлукой.

– Совсем, как отец, – посетовала герцогиня Анна и слегка улыбнулась. – Обещаешь ли ты осторожно вести себя в дороге?

– Да, матушка, – сухость этого ответа Мартин постарался смягчить искренней улыбкой.

– Обещаешь ли ты не забывать о том, кто ты есть? – спросила мать, сделав суровую мину, которая ей совершенно не шла.

– Обещаю, матушка, – Мартин кивнул, сохраняя привычное спокойствие. Герцогу Талнорскому действительно следовало помнить свое имя, спорить было не о чем, но как это иногда казалось тяжело.

– Обещаешь ли ты беречь и защищать честь нашего дома? – спросила герцогиня.

– Обещаю, матушка.

– Обещаешь ли ты, – герцогиня вдруг широко улыбнулась, – умываться каждый день и не забывать мыть руки перед едой?

Мартин, не удержавшись, фыркнул. Матушка тоже засмеялась – звонко и легко.

– Вот, хоть на человека похож, – добавила она и вдруг смолкла.

– Матушка, вам дурно?

– Да нет, нет, – ответила побледневшая герцогиня. – Так, пустяки.

В комнате назойливым стеклянным дребезжанием повисла зыбкая недосказанность, поэтому Мартин чувствовал себя не в своей тарелке. Его родители поженились, когда бедной девице Анне едва исполнилось шестнадцать. Их любовь поистине оказалась крепче гранита, но нередко юноша задавался вопросом: а что свело таких разных людей? Ответом тут же, как по подсказке доброго наставника, приходила в голову легенда о юных несчастных влюбленных из прошлых кватрионов, но его родители к таковым явно не относились.

– Ты действительно похож на отца, – вдова зачем-то коснулась рукой своих темных прядей, в которых, словно запутавшиеся белые нитки, серебрились седые волосы. – Но нельзя все время быть холодным и отстраненным, постарайся это понять...

– Я понимаю, – кивнул Мартин.

– Нет, пока ты не понимаешь. Но когда-нибудь поймешь. Не зажимай себя в кулак, позволь своим чувствам хотя бы иногда стать явными. Знаешь, если бы твой отец всегда был таким, каким хотел казаться, он бы никогда на мне не женился.

Герцогиня снова улыбнулась, а Мартин ответил ей, как сумел.

– Вы же видите, матушка, я стараюсь позволять себе быть свободнее, чем раньше.

– Да-да, – кивнула герцогиня, – так же как лет пять назад ты старался упражняться в стихосложении.

Мартин с досадой почувствовал, что невольно краснеет. В свое время он готов был решить хоть дюжину дюжин задач по арифметике, упражняться с мечом и пистолетом от рассвета до захода солнца, за один день вызубрить годы правления и тронные прозвища всех королей, – только бы не мучиться с рифмами и размерами, еще и следя за композицией и не допуская повторов.

– А вот твой отец очень любил писать мне стихи, – продолжала герцогиня. – Я до сих пор их храню и перечитываю.

Она вздохнула и добавила:

– Нынче ночью он мне приснился. Жаловался, что у него много дел, напомнил, как много дел у меня. Так что, когда ты будешь возвращаться, сынок, я выйду тебя встречать. Я непременно поправлюсь, – закончила она.

– Я тоже желаю этого, матушка, – ответил Мартин, наклоняя голову.

Всем было известно, как суеверна вдовствующая герцогиня. Она знала тысячу примет, дурных и добрых, частенько посылала за старой гадалкой, на которую не первый год закрывали

глаза церковники, и умудрялась во всем находить знаки – в разбитой посуде, в птичьем крике, даже в том, в какой день недели чихнешь. Все сны, разумеется, герцогиня считала вещими.

– А еще мне снилась твоя невеста, очень красивая девушка, – добавила герцогиня. – Белокурая, голубоглазая.

Мартин с сомнением покачал головой. Можно было перевести разговор на другую тему, но матушка сразу поймет, что он хочет уклониться от разговора про женщин, а потому лучше всего пожать плечами и промолчать. Вряд ли безбожница и преступница, сумевшая покорить его сердце, станет хорошей невесткой Анны Дальгор.

У нее ярко-рыжие, бесстыдно распущенные волосы и пронзительно-зеленые глаза. Она жестока и изворотлива. Она держит в руках его сердце. Но самое печальное, что она уже вряд ли помнит Талнорского герцога, год или два назад позволившего скрыться в своей карете, от преследования королевских солдат.

Граф Талн, коим на тот момент являлся Мартин, должен был посодействовать ее задержанию, но сделал наоборот. Она отблагодарила его кривой ухмылкой, небрежно вложила ему в руку звонкую горсть медных монет, а потом девица выскользнула из кареты, накинула на голову темный капюшон, и стремительно, подобно шустрой белке, нырнула в непроходную темень ближайшего сумрачного леса.

Вот только рассказать об этом матери он все же не решался: вместе со спокойствием ему привили любовь к молчанию.

– У меня нет невесты, – произнес он твердо, – и вряд ли до конца кватриона таковая появится, матушка.

– Сколько там до конца кватриона, – ответила герцогиня.

– Немного, но все-таки... – начал Мартин.

– Немного, да и я ведь вижу, невесты у тебя нет, а на сердце что-то есть, ведь есть же, правда? – матушка внимательно всмотрелась в лицо сына. – Только ты отчего-то думаешь, что она тебе в невесты не годится.

Мартин красноречиво промолчал. Матушка кивнула и продолжила:

– Может быть, она не очень знатная? Так это пустяки, я ведь тоже, знаешь ли, не герцогиня и даже не графиня, а так, – она помахала в воздухе худой рукой. – А твой отец все-таки меня выбрал, никого не побоялся. Тебе во второй раз будет даже легче: люди ведь уже привычные.

Мартин, против воли улыбаясь, покачал головой. Как ни были привычны люди, но, если герцог Талнорский женится на государственной преступнице, это не встретит одобрения.

– Может, она старше тебя? – продолжала матушка. – Так ведь и я отца старше. На целых полтора года.

– Матушка, давай не будем об этом говорить, – сказал наконец Мартин и осекся, подумав, что это можно принять за упрек.

– Не будем, что ж, – герцогиня кивнула. – Перед дорогой надо говорить о хорошем, а то иначе можно накликать беду.

Они говорили, но недолго. Слуга постучался в дверь и вполголоса сказал:

– Ваша светлость, вам уже пора.

Мартин вышел в коридор. У дверей стоял притихший Пауль.

Наклонившись к брату, герцог поцеловал его в лоб.

– Что тебе привезти из столицы? – спросил он, как в давние времена спрашивал отец.

– Ты сам приезжай, – серьезно ответил мальчик. – И привези хорошего лекаря, чтобы он матушку поставил на ноги.

– Ну, а ты сам что хочешь?

– Только этого, – Пауль опустил глаза.

Мартин вздохнул. Конечно, мальчик любил матушку и готов был ради нее жертвовать своими немудреными радостями, но не слишком ли много жертв он уже принес? Второй год брат живет в четырех стенах и выходит на воздух только для ежедневных упражнений в фехтовании, а чтобы прогуляться верхом... он так скоро забудет, как на коня садиться. А ведь Пауль всегда был и сложением крепок, и нравом непоседлив, любил побегать, поиграть, затеять проказу вместе с отрядом замковых мальчишек. Неудивительно, что у него одно желание – чтобы кончилось его заключение.

– Что ж, попробую привезти лекаря, – Мартин крепко обнял брата. – А теперь иди к матушке, она скучает без тебя, да и меня уже ждут.

Пауля тоже учили сдержанности, но он все-таки был младше, да и характером отличался, поэтому брат заметил, как мальчик подавляет вздох и придает лицу бодрое выражение перед тем, как войти в комнату.

Вассалы действительно терпеливо ждали Мартина Дальгора в холле замка, наверняка, при этом обсуждая его убранство. Люди они хорошие, но Фридрих Ниссен никогда не прочь поболтать со своим дальним родственником Якобом Ольсеном. А Кронбург и Винтер уже достаточно пожилые и степенные люди, поэтому давно перестали поддаваться соблазнам посмеяться от души. Глядя на двух веселящихся людей, проходящих друг на друга, словно братья, Мартин вспомнил слова матери и подумал, что кто-нибудь из них постарается выдать за него свою младшую сестру. Одной девушке шестнадцать лет, второй едва исполнилось четырнадцать, и Мартин относился к ним хорошо, однако никаких возвышенных чувств не испытывал. Вот только кого это станет волновать, когда речь пойдет о наследнике.

– Здравствуйте, господа, – поприветствовал он вассалов сдержанным голосом и быстрым кивком головы.

– Приветствуем герцога Талнорского, – отозвалось четыре голоса, и вассалы склонились в поклонах.

– Нам пора отправляться в путь, – провозгласил он, и вассалы последовали за ним.

Они ехали неторопливо и молча: Мартину не хотелось говорить, а вассалы вынуждены были следовать его примеру. Кажется, слуги пересмеивались вполголоса, шептались, наверное, о том, что ждет их в столице, которая предоставляла немало возможностей развлечься не только благородным господам, но и простым людям. Впрочем, молодые дворяне от них не отставали: кто смеялся, кто оживленно спорил, кто что-то напевал.

Кто-то – кажется, это был Кронбург – несколько раз окорачивал расшумевшуюся челядь, но это помогало ненадолго. После четвертого окрика герцог веско сказал:

– Оставьте. Пусть каждый ведет себя как умеет.

Это помогло водворить тишину. Слуги по-прежнему переговаривались, но уже не поднимали голос, и Мартин мог позволить себе роскошь задуматься о том, что было и что будет, как любила говорить обожаемая матушкой гадалка Орфида. Может быть, будь он чуть менее здравомыслящим, то заехал бы накануне в ее домик на отшибе и расспросил. Но Мартин не собирался этого делать: он все равно не верил ни в какие гадания, а если серьезно, боялся, что услышит что-то вроде «Она не твоя судьба». Он и сам знал об этом, но одно дело, когда такое говоришь себе сам, а совсем другое – когда слышишь от других. Искры в глазах, огненно-рыжие волосы, худое тело, тонкое и гибкое, как язык пламени, бесстыдно подчеркнутое мужским костюмом.

Мартин даже прикоснуться к ней не успел. Он ее видел несколько минут и больше никогда не встретит. Ему надо думать не о ней, а о той, которая скоро станет его женой и герцогиней. Ведь преступно, взяв в супруги одну, томиться и мечтать по другой.

Держать спину прямо стало гораздо утомительнее, чем раньше. Еще полгода назад, когда он носил длинный детский хвост, голова под тяжестью волос сама слегка откидывалась назад, а теперь, когда его остригли по столичной моде, потому что предстояло ехать в сердце страны, за всем приходилось следить самому. Привычный халат из алого шелка тоже сменили белоснежной рубашкой с кружевным воротником, дублетом и штанами по столичной моде. Но Ли Найто знал, что человеку высокого рода во всех обстоятельствах надлежит выглядеть достойно своего происхождения, и очень старался. Ему было гораздо легче, чем его далеким предкам: раньше юноши рода Найто женились в двенадцать лет, или шли на войну, или сами правили провинцией, или...

Он дошел до южной части сада и остановился, глядя на крохотные белые цветы гадючьего лука.

Не сорвать ли один для матери? Они так скромны и невзыскательны, что послужат наилучшим украшением для вдовы.

Но Ли тут же опомнился и покачал головой.

– Цветы растут, плоды срывают, живые на земле живут, а мертвые в покое пребывают, – пробормотал он старинную строфу, сложенную в неведомые года.

К тому же, чтобы сорвать такой низкорослый цветок, пришлось бы встать на колени, что в новых штанах было весьма затруднительно. Да и запачкать землей замечательные новые вещи, в которых он будет представлен будущему королю, совсем не хотелось. В вершине персика, усыпанного завязью, раздался недовольный свист, и Ли протянул руку. На его предплечье тотчас села ручная сорока, встряхнулась, вздыбливая перья, и, перепрыгнув мальчику на плечо, ухватила его за ухо.

– Как тебе не стыдно! – улыбнулся он.

– Стыдно! – его голосом ответила сорока, но слетела на ветку и стала смотреть на него, наклонив голову и кося хитрым блестящим глазом.

– Зачем ты меня обижаешь, разве так можно? – принялся увещевать ее Ли.

– Можно, – глубокомысленно заявила сорока, встала на одну лапку и другой стала чесать себе шею, приоткрыв клюв от усердия.

– Смотри, ты еще раскаешься, – с укором заметил Ли.

– Раскаешься, – крикнула сорока.

– Я, может быть, никогда не вернусь, – закончил юный Хранитель, отлично понимая в душе, что не хочет верить в свои слова.

– Не вернусь, – и, захлопав крыльями, точно рукоплеща достойному окончанию разговора, сорока улетела прочь.

Ли вздохнул и, забыв о приличиях, угрюмо склонил голову, разглядывая камушек, попавший под ноги, и гоняя его туда-сюда носком сапога. А ведь он так надеялся, что сорока повторит «Вернусь» и все будет хорошо, а она сказала два слова вместо одного.

– Кто обманывает, тот бывает наказан строже, чем за обычный проступок. Даже тот, кто обманывает судьбу, – вздохнул Ли и решил, что эту мысль надо непременно занести в заветную тетрадку, которую, как Хранитель, он обязан был вести.

Раньше он почти не писал в ней прозу, разве что стихи или примечания к ним, но эта мысль, хотя и была тревожной, ему понравилась.

– Эй, друг Ли у нас сегодня мудрец?

– Друг Нио? – Ли поднял голову. – Ты что вытворяешь, тебе же попадет.

– Не попадет, – Нио весело засмеялся и поудобнее устроился на дереве. – Никто, кроме тебя, не видит, что я тут делаю, а ты не выдашь, ты мой официальный друг.

Ли, несмотря на тревогу, а может быть, именно из-за нее, тоже стал смеяться.

Нию был официальным сыном одной из прислужниц матери – слово «камеристка» в Нае было не в ходу. В семье Тайто рождались исключительно девочки, и после пятой дочери глава стражи Корито и его супруга Леми решили взять в дом мальчика-сироту, дабы приманить кровных сыновей. Сыновья не приманились, и Нио был признан их сыном и принят в род Тайто со всеми надлежащими церемониями и необходимыми бумагами. Вскоро его назначили другом Ли, который тогда был еще не Хранителем, а лишь наследником.

Дружба, впрочем, удалась не сразу: одной разницы в возрасте – Нио был на два с половиной года старше – хватило бы, чтобы между мальчиками пролегла пропасть, а они к тому же отличались, как день от ночи.

Нию обожал шумные игры и беготню – Ли был тихим и мечтательным, несмотря даже на врожденное любопытство, хоть Нио отличался крепким здоровьем – Ли, напротив, часто хворал и дважды находился между жизнью и смертью, так что приходилось обращаться к лекарям, монахам и знахарям. Нио любил похохотать – Ли смеялся редко и только за компанию с товарищем, а лет до восьми мог и всплакнуть над печальной повестью или мертвой птичкой.

Даже внешне мальчики не походили друг на друга: Нио удался невысоким и коренастым, а Ли – тонким в кости и в последние полгода сильно пошел в рост, обещая перегнать старшего товарища. У Нио было приятное, но грубовато очерченное округлое лицо, низкий лоб, выступающие скулы и полнокровный пунцовый рот с пухлыми губами. Ли отличался тонкостью черт и не совсем здоровой бледностью, а изящный овал лица придавал ему сходство с девочкой. Мальчики были схожи только мастью: оба кареглазые, с волнистыми каштановыми волосами, матово-смуглые, точно выточенные из одного куска дерева.

Когда их начали обучать, оба мальчика проявили недюжинные способности, но каждый в различных занятиях: из Нио получился неплохой стрелок и фехтовальщик, но рисовал он скверно, поэзию не жаловал, а музыкального слуха был лишен начисто. Ли же не преуспел в том, что требовало телесной силы, но зато выучился отлично чертить карты, музицировать и слагать стихи. Стратегия оказалась сильным местом Нио, а в искусстве врачевания – разумеется, теоретическом – преуспел Ли. Способности к математике обнаружили в себе оба, но старший мальчик был практичнее, и никто не удивился, когда Нио по достижении тринадцати лет стал статским порученцем – или, как говорили на Востоке, слугой-учеником – казначея.

Когда они расставались, Ли немного всплакнул, кажется, последний раз в жизни, а Нио только нахмурился и угрюмо распрощался с другом, нарочито соблюдая все необходимые церемонии.

За два года Ли редко вспоминал о Нио и теперь не знал хорошенько, как с ним разговаривать. Нио, впрочем, выручил его и заговорил сам.

– Говорят, друг Ли, ты едешь в столицу? – без обиняков спросил он.

– Еду, друг Нио, – ответил он. – Точнее, меня везут.

– Тогда счастливого пути. Смотри, друг Ли, не подерись там ни с кем, – хохотнул Нио.

Ли улыбнулся и вздохнул.

– Ты ведь знаешь, я не люблю драться, да и не умею. Это ты у нас...

– Я? Да я кроток, как дух мертворожденного младенца! Помнишь, как в детстве я никогда тебя не обижал.

– Потому что я был сильнее, – Ли заведомо солгал. Он знал, что Нио легко попадаетея на такие слова и сейчас покажет какой-то из своих детских трюков, а ему почему-то очень хотелось увидеть их перед отъездом.

– Это ты-то сильнее? Смотри и учись, – нахмурившись для виду, Нио ловко спустился по стволу дерева, ухватился обеими руками за ветку и стал раскачиваться туда-сюда, как маятник. Ли посторонился и стал наблюдать за приятелем. Тот качнулся раз, другой, третий – и вдруг бесславно упал прямо на щебень садовой дорожки.

– Не такой уж ты и сильный, – заметил Ли, отступая в сторону.

– Это я просто недоспал, вот руки и пеньковые, – хмуро ответил Нио, вставая и отряхивая свой халат. – Я зачем пришел-то? Слушай меня, друг, слушай меня, судьба! – торжественно заговорил он, опускаясь на колени, упираясь руками в землю и только не склоняя голову. – Пусть будет гладка твоя дорога, пусть легким покажется путь, пусть отрадным будет возвращение, пусть минуют все беды.

– Беды! Беды! Беды! – закричала сорока из листвы.

Ли вздрогнул и посмотрел вверх. Нио вскочил и снова засмеялся:

– Какой же ты суеверный, друг Ли. Ну, доброй тебе дороги, а я побегу, иначе господин казначей надерет мне уши. Хотя... – Нио остановился и призадумался, – я ему и раньше не спускал, а теперь тем более.

Ли посмотрел ему вслед и тихонько пошел к дому.

В алом платье, расшитом серебром, в легкой накидке, подбитой пухом, госпожа Юмири казалась почти неузнаваема. Кроме того, Ли никогда не видел, чтобы мать причудливо укладывала волосы: она всегда носила хвост – простую прическу мужчин и вдов. Но сегодня ее голову венчала целая башенка из кудрей – исключительно своих собственных. Даже ради столичных обычаев ни одна женщина Востока не стала бы прибегать к поддельной красоте, разве что убрала бы волосы искусственными цветами.

Неподалеку от матери расхаживала туда-сюда, перебирая вещи, ее сестра, тетушка Кими. В непривычном корсете она ходила медленно дышала с трудом, к тому же черное платье с лиловой оторочкой – в цветах семьи Карито – казалось для нее слишком темным и делало ее похожей на мрачную тень. Однако она сохраняла присутствие духа, весело улыбалась и, кажется, не далее как минуту назад что-то очень живо обсуждала со старшей сестрой. У нее на голове тоже красовалась сложная башенка, только несколько локонов были выпущены и темными змейками касались плеч. Раньше такие прически были модны у молодых женщин всего Фиалама, но с окончанием прошлого кватриона остались лишь среди большинства ценивших традиции донгминок. О том Ли слушал от матери и тети как-то раз, но отчего-то хорошо запом-

нил. Особенно то, что они порицали манеру донгминских девушек забывать старое и ходить с распущенными волосами.

– Что с тобой, сынок? – спросила мать, и Ли наконец получил возможность говорить.

В кругу семьи Найто отношения слишком теплы и доверительны, чтобы соблюдать строгий этикет и повторять без усталости титулы – и Ли был очень рад тому.

– Я хотел спросить, матушка, нельзя ли мне достать мою тетрадку? Мне пришла в голову хорошая мысль.

– Сынок, все вещи уже в сундуках, – мягко, но непреклонно заметила мать. – У нас нет времени искать твою тетрадку, а потом заново укладываться. Не спорю, твое желание вполне достойное и не похоже на детскую прихоть, но лучше побереги его до более подходящего случая.

– А если я забуду эту мысль? – робко спросил Ли.

– Не забудешь, если она хороша. А если все-таки забудешь, значит, ее и не стоило запоминать, – утешила госпожа Юмири.

Ли понурился было, но вспомнил, о чем на самом деле хотел спросить.

– Матушка, как ты думаешь, мы ведь вернемся?

– Вернемся, сынок, – госпожа Юмири с некоторым трудом склонилась над сыном и погладила его по голове. – Отчего ты думаешь, будто мы не вернемся?

– Просто... – Ли очень не хотелось рассказывать про сороку, тем более при тетушке Кими, которая стала бы смеяться. – Просто у меня не очень хорошее предчувствие.

– Мы остановимся в храме святого Лири и помолимся в дорогу, – утешила его матушка. – Ты согласна с моим планом, сестрица?

– Конечно, сестра, – ответила тетушка Кими и сдержанно поклонилась, так что у нее на голове заколыхались кудряшки. – Хотя я заблаговременно обо всем позаботилась, поручила служанкам возжечь возле каждого бога четыре благовонные палочки, каждую вещь, которую мы берем с собой, пронесла под воротцами, и пропела песнь смиренной мольбы.

– Ох, Кими, и охота тебе стаптывать ноги ради старых поверий, – покачала головой матушка. Ли заметил, что она назвала тетушку Кими не по родству, как на Востоке положено обращаться к близким, не по родству и имени, как принято между родичами в официальной обстановке, а только по имени, словно чужую.

– А вот и охота! – выпалила Кими и покраснела. – Я же знаю, что это помогает! И нянюшка так говорит!

– Пусть говорит, – ответила госпожа Юмири, вставая, – мне не хочется ее слушать. Ты утомила себя перед дорогой, разве это может принести счастье?

– Мы же все равно поедem в экипаже, – ответила Кими.

– Поначалу да, но потом мы переправимся через реку на лодках, а на том берегу пересядем на лошадей.

– Матушка? Мы будем плыть на лодках? – в восторге прошептал Ли.

– Именно так. Но постарайся выражать свои чувства не так явно. Ты не просто дитя, ты Хранитель. Пойдемте же к экипажам, нам пора в путь. Сынок, ты разве хочешь остаться тут?

– Если бы я и хотел, – ответил Ли, чуть склоняя голову, – мне это не позволено.

– Тогда поспешим, – и госпожа Юмири величественно встала с места.

Поспешать в непривычной одежде оказалось нелегко, но, по счастью, идти было недолго.

– Матушка, – вдруг вспомнил Ли, когда они уже вышли из комнаты. – А я ведь недавно сочинил стихотворение.

– Ну-ка, ну-ка, послушаем, – Кими подскочила на месте.

– Сестрица, не торопись, – укорила матушка. – Что за стихотворение, сынок? Ты помнишь его наизусть?

– Да, матушка, – кивнул он. – Прочесть ли мне его?

– Читай, конечно, читай.

Ли перевел дыхание и медленно начал:

– Украдкой стирая слезы, сегодня покину дом,
Хотя накануне только мечтал из него уйти.
Что завтра со мною станет, не скажет никто о том,
Не ведаю я в начале, что будет в конце пути.

– Недурно, сынок, – благосклонно кивнула матушка.

– Я и триаду в первых трех строчках употребил как положено, – добавил Ли, не в силах сдержать улыбки.

– Это хорошо, но хвастаться не следует. «Не радуйся тому, что сделал, жалею о том, что не сделал», кто это сказал?

– Кинори Добродетельный, – ответил Ли.

– В каком году?

– В семнадцатом году двенадцатого кватриона.

– Хорошо, сынок. А при каких обстоятельствах он это сказал?

– Право, сестрица, сейчас не время для экзаменов, – заметила Кими. – Нам пора садиться и ехать. Если мальчик забыл...

– Он сказал это перед смертью, – тихо ответил Ли.

– Верно, но впредь не перебивай старших. И ты, Кими, тоже не вмешивайся в чужие разговоры. Но вот и экипажи.

Домочадцы одновременно поклонились, прощаясь с господами. Несколько женщин подошли обнять отъезжающих. Была среди них и Кора, которая вынянчила и матушку, и Кими, и самого Ли, а теперь жила в доме семейства Торомы, пестуя близнецов – двоюродных сестер Хранителя, но ради такого случая была отпущена господами.

Восемь прислужниц сели в два расписных экипажа, высокородные сестры заняли простой черный. Слуга поднес Ли широкополую шляпу из некрашеной соломы, которую придется в столице заменить чем-то более подобающим для присутствия на коронации, и мальчик сел в открытую повозку. Экипажи тронулись и неспешно покатали по дороге. За ними вереницей шли слуги. Они махали кто рукавами, кто платками, кто шляпами, чертили пальцами в воздухе старинные знаки защиты и вытирали слезы.

Многие остались за воротами, но некоторые вышли, чтобы проводить господ чуть дальше. Ли сидел в повозке задом наперед и смотрел, смотрел, смотрел, пока дом и слуги не скрылись за поворотом. Но и тогда он глядел назад, пока от тряски и неудобного положения не ощутил дурноту.

Тогда он сел как следует и стал смотреть на дорогу. Солнце было очень яркое, и Ли невольно зажмурился от его лучей.

Прошло время, и Ли внезапно пожалел, что не едет в экипаже, как ребенок, которого должно уберегать от злого глаза, а сидел у всех на виду, дабы, как полагается мужчине, наблюдать за дорогой и следить, нет ли опасности. Если бы он мог укрыться за шелковой стеной, он бы заплакал. Но эта детская слабость не должна была быть явлена ничьему взору – потому что он отныне он называется герцогом Донгмина, несмотря на юный возраст и тихую добрую наивность в темных глазах.

Глава 1. Аминан Анвар

Столица Фиалама, Вета, встретила четырех приехавших в разное время путников удивительно ясной и теплой погодой, а для конца месяца Летних Дождей такая устойчивая благодать была едва ли не чудом. Некоторые остряки из столичных дворян, знавшие о грядущей коронации и имевшие в прошлом многократное неудовольствие столкновений с ливнями и грозами именно в этом месяце, замечали со свойственной им колкостью, что возможно визит в Вету четверых герцогов, управляющих разными частями страны, и поспособствовал наступлений хороших погодных условий. И что раз так, то следовало бы им приезжать каждый год в столицу, дабы осчастливить тех хорошей погодой. Но это была лишь шутка с изрядной долей суеверия.

Фрэнсис Эртон ехал в сопровождении юного порученца и испытывал присущие любому старику усталость, раздражительность. Он держался в седле с видом достаточно гордым, почти спесивым, однако его люди тоже утомились дорогой и ничего не замечали. Так им было даже лучше и спокойнее, потому что никто не желал испытывать на себе силу его нетерпимого гнева.

Аминан Анвар выглядел все печальнее, даже несмотря на постоянные попытки Адиса его развеселить. В последний раз, незадолго до въезда в городские ворота, южанин не утерпел и строго сказал, что не желает видеть лучшего друга в образе балаганного шута, и тогда неано Бедиль притих. На смуглом спокойном лице друга не появилось грусти, но застыло скучающее выражение, и Аминан счел это хорошим признаком. Хотя до самого визита во дворец они почти не разговаривали.

Ли Найто с силой сжимал поводья худыми дрожащими руками и продолжал робко коситься по сторонам. Веселая Кими Корито тоже притихла – она, в отличие от Юмири, не была представлена к королевскому двору в юном возрасте, и многолюдная столица казалась уроженке тихого Донгмина чем-то необычным и удивительным. Действительно, здесь смешались разные звуки, и слияние выкриков торговки, визга уличных мальчишек, лошадиного ржания, колокольного звона ближайшего храма вызывало у Ли такой же страх и трепет, как и у тетушки Кими. Заметив такую реакцию на шум, вдовствующая герцогиня Юми объяснила сыну и сестре, что шум – привычное для центра столицы дело, а колокола бьют в храме Святой Саманты.

Мартин Дальгор сохранял равнодушный вид в течении всего пути и не изменил своим привычкам даже к его завершению. К тому же усталость человека, посещавшего Вету всего второй раз – в первый он находился тут с отцом, не могла позволить ему веселиться. Свита притихла тоже, и знам. знаменитых северных баллад уже никто не распевал. Всему есть свое время, так однажды сказал отец, незадолго до смерти, а Мартин отлично запомнил это.

Столица находилась на берегу большого бессточного озёра, в которое впадают четыре реки. На нем озере жили северные тюлени, цвели восточные лотосы, гнездились южные фламинго и плавала западная селетка. Так было и с сотворения мира Акеман, и во времена правления Норманденов, чья династия прервалась в прошлом кватрионе, так происходило и сейчас. Столь важные обстоятельства нельзя игнорировать, а потому за все минувшие кватрионы с тех пор, как мифические Мириты оставили после себя человеческих наместников и навсегда оставили Акеман, столицу ни разу не переносили – хоть и перестраивали, переименовывали, проклинали. Вот почему Хранителям Севера, Запада, Востока и Юга так необходимо было

сохранить сердце своей страны в первозданном облике к завершению пятнадцатого кватриона и началу шестнадцатого.

Комната, где четверо Хранителей ожидали коронации, была довольно просторна, хотя и невелика. Окна отсутствовали, но рыжее пламя, трещащее в камине и три канделябра, полные свечей, не давали сгуститься тьме, и делали обстановку почти уютной, если только четыре герцога могли почувствовать себя уютно хоть где-нибудь. Здесь стояли глубокие на вид кресла, но никто не спешил сесть. Заговорить никто тоже не порывался, и тишина висела в натопленной комнате, подрагивая, точно свечные огоньки.

Аминан стоял и молча смотрел на трех Хранителей: старика в зеленом и белом, молодого человека в белом и голубом, мальчика-подростка, одетого почти как сам Анвар, в красное, только не с золотым шитьем, а с серебряным, согласно геральдическим цветам Найтонов. Ли – Аминан не сразу припомнил имя юного Хранителя, потерявшего отца в младенчестве, – сплетал пальцы в замок и посматривал кругом темными глазами, как маленький зверек. Миниатюрному отроку пока не слишком подходил тигр на гербе, а вот девиз «Один в засаде», наоборот, годился как нельзя лучше.

Аминан улыбнулся и хотел заговорить с Ли, чтобы хоть немного рассеять его смущение, но тот набрался храбрости, сделал несколько быстрых шагов и подошел к Хранителю Запада.

– Вы, вероятно, устали с дороги, – голос у мальчика был немного хриплый, – отчего вы не присядете, господин герцог Эртвестский?

– Я не привык часто отдыхать, – отозвался Фрэнсис. Голос у него был тоже хриловатым, но для старика его лет такое вполне свойственно. – К тому же, не хочу отставать от других, – он обвел усталым взглядом всех остальных Хранителей, что стояли в неловком молчании.

Мысленно Аминан позавидовал выносливости пожилого Эртона и пожелал в его годы оставаться таким же сильным духом. Он знал, что на самом деле старики, побывавшие в боях, устают очень сильно. Интересно, завяжутся ли дружеские отношения между Западом и Востоком или опять начнутся междоусобицы, как в конце прошлого кватриона? Но отчего-то думать об этом быстро расхотелось; он посмотрел на одиноко стоявшего в углу комнаты Мартина Дальгора. С самой первой встречи и до нынешнего момента тот держался холодно и отстраненно. Не подойти ли к нему?

Сочтя эту мысль не самой плохой, Аминан неторопливыми шагами пересек комнату, и Мартин, заметив южанина, скользнул по нему слегка заинтересованным прохладным взглядом, но тут же отвел глаза в сторону.

– Здравствуйте, – на всякий случай проговорил Анвар.

– Здравствуйте, – кивнул Мартин Дальгор, – вы герцог Эр-Меридский, Аминан Анвар, я полагаю?

– Да, вы правы, – Аминан постарался улыбнуться как можно приветливее.

– Очень рад с вами познакомиться, – сухо ответил Хранитель Севера. – Вы благополучно добрались до столицы?

– Более чем, благодарю вас, – ответил Аминан. – А вы?

Беседа становилась все более светской и все менее осмысленной. Не хватало еще заговорить о погоде.

– Последние недели две не было дождей, – заметил Мартин.

Вот и разговор о погоде завязался, усмехнулся про себя Аминан.

– И это не может не радовать, – ответил Хранитель Юга.

– А меня это настораживает, – покачал головой Мартин. – Чем дольше нет дождя, тем вероятнее, что он будет на следующий день. Если ливень испортит празднества и народные гуляния по случаю коронации, это могут счесть дурным предзнаменованием.

– Какие глупости! – резко сказал Фрэнсис, герцог Эртвестский.

Вообще-то к нему никто не обращался, но он, видимо, считал, что старость дает ему право вмешаться в разговор. А вот покойный отец Аминана, Селим Анвар, не грешил подобным.

– Дождь во время коронации – не дурное, а благое предзнаменование. Он предвещает щедрое, изобильное и благодатное правление, – важно сказал он и, подобно мэтру, поднял вверх указательный палец.

Ли Найто судорожно выдохнул и прижал к груди сжатые ладони.

– Интересная мысль, – сказал Аминан Фрэнсису. – А вы что скажете? – и взглянул на Ли.

– Я ни в чем не могу быть уверен до конца, – судя по выражению лица, честно и искренне, ответил мальчик. – Если быть откровенным, то меня переполняет тревога.

Впрочем, дети редко лгут посторонним или малознакомым людям просто так – Аминан знал это наверняка. Будь он ровесником Ли, испытывал бы ту же тревогу, но вот не был бы настолько откровенным. Впрочем, не его это забота, хотя... Он посмотрел на растерянное лицо Ли Найто и отчего-то захотел его утешить.

– Ничего постыдного в тревоге нет, – проговорил он, прежде чем кто-нибудь успел что-либо сказать. – Не то чтобы я волнуюсь, но хочется верить, что печаль не мешает мне нести ответственность, что лежит на моих плечах.

Конечно, это прозвучало очень старомодно, как зачитываемая какой-нибудь камеристкой строчка из любовного романа, но, по крайней мере, Аминан высказал то, что творилось у него на душе, и стало немного легче.

Фрэнсис странно усмехнулся.

– Ответственность и долг. Кажется, нас с вами сызмальства приучают следовать им, удивляюсь еще, как дети не говорят слово «долг» раньше «мама» и «папа».

– Обычно первыми словами детей становятся не «мама» и «папа», а «хочу» и «дай», – между прочим заметил Аминан.

– Потому что дети еще не понимают, что такое ответственность, им не нужно ее на себя принимать, – Фрэнсис мягко повел рукой. – Исполнение своего долга, ответственность за свои поступки – признак зрелости. Это бремя бывает тяжелым, но оно еще не самое страшное, что может быть с человеком. Поверьте, куда хуже гнетущее раскаяние и понимание, что у тебя не хватило сил или разума исполнить свой долг.

– У нас часто рассказывают истории в таком духе, – заметил на время притихший Мартин. – В основном они повествуют о воинах прошлого кватриона, которые мстили друг другу даже через пятьдесят лет после Северной смуты, потому что видели в этом свой долг, а потом горько раскаивались, когда осознавали, что своей жестокостью сами же его и нарушили. Впрочем, человечеству свойственно становиться мудрее, и меня не покидает надежда, что этот кватрион закончится лучше, чем предыдущий.

После этого высказывания повисла долгая и томительная пауза, сопровождающаяся неловкими взглядами. В древнюю магию, считавшуюся чуть ли не обыденностью когда-то, в самом начале времен, уже давно никто не верил, но Аминан понимал, что именно им, четверым, придется узнать, старые сказки это или жестокая реальность, нападающая на четырех герцогов в конце каждого кватриона. Вот в конце последнего представители четырех Великих Домов перегрызлись и были на грани войны между провинциями, только неожиданная и резкая смена короля остановила их. С тех пор между Западом и Востоком несколько напряженные отношения. Аминан не хотел делать ставки и предположения, но ему отчего-то неумолимо казалось, что именно эти двое, глубокий старик и несмышленный мальчишка, станут отвечать за тех двух глупцов, своих предков, что бросили в свое время друг другу вызов. Из-за женщин или из-за женщины. Подробности Аминан не знал, потому что та история почти не коснулась Эн-Мерида, а имена нескольких безрассудных южанок, пошедших за глупой сестрой его предка, герцога Ахмета Анвара, стерлись из истории.

Что ответить на слова юного Дальгора, он не знал, потому что надежда была неведома Аминану; она умерла так же стремительно, как высыхают свежие зеленые ростки на полях, во время засухи, становясь желтыми и пожухлыми.

– Господа, – заглянувший в комнату церемониймейстер, невысокий и сухопарый, стареющий человек, чьего имени Анвар не запомнил, выглядел спокойным, но его желтоватые глаза отражали легкое беспокойство, – вам пора на коронацию. Церемония вот-вот начнется. Это, конечно, простая формальность, но слова четырех герцогов всегда ценились на вес золота.

Один за одним Хранители вышли из узких дверей темного дерева, друг за другом: сначала Эртон, затем Анвар, после него Дальгор и наконец юный Найтон. Медленно, торжественно они шагали по коридору, мимо богато вышитых шпалер, запечатлевших сцены из старинных песен, романов и баллад. Хранителям, идущим к королю, полагалось смотреть вперед, а не по сторонам, но глазвольно или невольно выхватывал то одно изображение, то другое.

Могучий Мартин сражался против полчища врагов, покрытый кровью с ног до головы. От шагов проходящих гобелен заколыхался, и показалось, что усталый воин шатается от сла-

бости. Аминан задумался, легко ли носить имя столь славного героя, и втайне посочувствовал Хранителю Севера.

На другой шпалере молодой рыцарь – а может, еще только оруженосец – отдавал свой шлем монаху, пока другой протягивал ему рясу и сандалии. Аминан забыл, как звали юношу, но помнил его трагическую историю. Бедняга охранял своего сюзерена, но по роковой случайности принял его за разбойника и заколол. Светский суд оправдал преступника, но молодой убийца сам себя приговорил к постригу.

На третьей шпалере Аминан узнал Слепого Керима, вытканного в момент прозрения. На Юге о нем до сих пор пели хвалебные песни, рассказывали истории и даже сказки о том, как он, лишенный зрения, побеждал многих и многих врагов. Церковники переписали повесть о нем на свой лад: слепой Керим верил в духов и демонов, убивая в сражениях тех, кто поклонялся Всевышнему, но уверовал, прозрел и раскаялся в своих прегрешениях, а впоследствии был причислен к лику святых как праведный воитель.

Мужчин на шпалерах было множество, а женщина всего одна, и потому она приковывала к себе внимание. Прекрасная Эльда стояла на башне, ожидая возвращения своего возлюбленного, но на ее лице было написано такое мучительное отчаяние, что, даже не зная старую песню и написанный на ее основе роман, нетрудно было понять – она не сойдет вниз, а бросится. Мастеру необычайно удалось глаза девушки: она в жадном ужасе смотрела перед собой, и Амина невольно скосил глаза на противоположную стену.

Рыцарь, которого она любила, летел в пропасть, на краю лежала отрубленная рука в необычайно точно вышитой латной перчатке, а над ней возвышался, подняв топор с алым лезвием, его брат. Аминан помнил, что в день свадьбы Эльды и убийцы ворон принес руку убитого, и преступник был до того потрясен, что тотчас раскаялся и во всем признался. Как звали обоих, Аминан тоже забыл: погубит его плохая память на имена.

Он не успел улыбнуться: Хранители уже дошли до дверей Золотого зала.

– Вас ждут, – кратко и веско произнес охранник положенную фразу.

И двери распахнулись.

Сначала неторопливой поступью вошел Мартин Дальгор – первенство всегда принадлежало Северу. За ним последовал Аминан, стараясь не отставать и дивясь мысленно поведению юноши. Он не горячился, как порученец герцога Эртвестского, не смущался, как юный Ли Найто, он вел себя, как и его погибший отец, оставаясь спокойным и хладнокровным, ничем не выдавая своих чувств. Чего это ему стоило, оставалось лишь догадываться.

Шагая по тому же коридору, Анвар уже не смотрел на картины, стараясь сосредоточиться не на том, что повсюду могут находиться наемники и заговорщики, а нехорошие и тревожные мысли лезли в голову каждые пять минут, а на том, что позади семенит Ли, тяжело дыша и пытаясь успеть за мужчинами. Еще один ребенок, которому придется повзрослеть раньше срока...

Последним шел Фрэнсис Эртон, даже не пытаясь приноровиться к быстрой и бодрой ходьбе предыдущих герцогов, но это легко оправдывалось его старостью. Впрочем, нужно выбросить из головы ненужные сейчас мысли о грядущем увядании, которые воровато попы-

тались проскользнуть в сознание Аминана. Он коротко вздохнул, расправил плечи и, вслед за герцогом Дальгором сделал несколько решительных шагов вперед, чтобы пройти в Малую дверь тронного зала. Роскошное убранство, обилие золота и серебра в качестве украшений, разномастные одежды собравшихся придворных – все это слепило отвыкшие от яркости глаза. Не дрогнул только Мартин, а Ли испуганно заморгал – это Анвар увидел, когда мальчик тихо вышел из-за его спины. Фрэнсис же молча опустил глаза в пол.

Как того требовали правила коронации, а Аминану посчастливилось присутствовать на предыдущей, четыре представителя Великих Домов неторопливо разошлись, чтобы встать в четырех углах тронного зала. Хотя, Найто все-таки спешил; молодости так присуща скорость. Теперь настала очередь вассалов. Прибыли не все – из Эртвеста только восторженный, озирающийся по сторонам, мальчишка, порученец Фрэнсиса, и кто-то еще. К своему стыду Аминан Анвар забыл множество имен и сейчас нерадостно думал, что забывчивость – первый признак неумолимо надвигающейся старости.

Вот и Адис. Лучший друг шагал широко и неторопливо, но чем-то его походка неуловимо отличалась от поступи других. Впрочем, лучше не заострять на этом внимания. Больше никто из вассалов не прибыл – южане открыто показывали, что отвернулись от короля. Грозит это большой бедой, Аминан понял это сразу, но пока не мог знать, на кого они обрушатся.

По всем правилам сначала четыре великих герцога должны были поднести регалии принцу, а потом в процесс вмешивался кардинал. В истории был случай, когда герцогом Юга был младенец, сын погибшего Дамира Анвара, и тогда пришлось подносить скипетр его самому ближайшему вассалу. Тогда у ребенка не было ни одного родственника мужского пола. Позже ходили слухи, что именно это событие подкосило династию Норманден в прошлом кватрионе.

Но сейчас все хорошо. Северянин безмолвно шагнул навстречу суетливому служке, тот протянул ему вышитую подушку с голубой росмахой на белом фоне. Герб Севера.

– Да будет благословен Фиалам и его монарх, – прозвучал строгий и спокойный голос служки.

– Да будет так.

Подняв аккуратно сложенную, подбитую мехом, королевскую мантию, юноша бережными движениями расправил ее и возложил на плечи будущего монарха. Тот остался столь же гордым и безмятежным, что и был до того. Поистине королевская осанка! Даже не подумаешь, что это потомок хитрого изворотливого королевского советника, толкнувшего однажды безмозглого мальчишку, последнего Нормандена, на передачу короны и власти в его руки! Посмотрев на улыбнувшегося уголками губ Адиса, Аминан понял, что тот думает о том же.

Была его очередь, и Аминан сделал шаг к служке, который протягивал ему подушку с мангустом. Изготовленный из черного дерева и обильно инкрустированный золотом и драгоценными камнями, скипетр сильно пригнетал подушку. Казалось, что вышитый зверек придавлен неподъемной тяжестью и бьется в предсмертных муках. Даже приоткрытый зев мангуста казался не геральдическим канонем, а страдальческим оскалом.

– Да будет благословен Фиалам и его монарх, – возгласил служка.

– Да будет так, – ответил Аминан и поднял глаза на монаха.

Тот словно силился казаться сдержанным и отрешенным: верхняя губа мягко покоилась на нижней, веки были чуть опущены.

Аминан принял гладкий теплый скипетр и, отойдя от служки, шагнул к трону. Теперь ему предстояло увидеть монарха вблизи и даже дотронуться до него. От этой мысли странно затрепетало сердце. Монарх сделал шаг навстречу герцогу Эр-Мэридскому, тепло и вместе с тем царственно улыбнулся и протянул руку. Она была белая и тонкокостная, но, кажется, крепкая.

Молодой король весь был мягкая нежность и непреклонная твердость. Его светлые волосы выглядели очень пышными, кожа – матово-чистой, а черты – правильными. Он напоминал бы ребенка, если бы не строгое, немного упрямое выражение лица, гордая осанка и плавная, решительная поступь. Королю не придется взрослеть – он уже взрослый, решил про себя Аминан и накинул на запястье короля крепкую шелковую петлю, которая не позволяла уронить скипетр. Юноша сжал рукоятку тонкими, но теперь видно, сильными пальцами, и благодарно кивнул своему вассалу.

Аминан отступил. Следующим был Ли Найто.

Герцог Донгминский выслушал обращенные к нему слова, дрогнувшим голосом ответил то, что от него требовалось, и, схватив с подушки золотое кольцо с крупным топазом, положил его себе на ладонь и накрыл другой, точно пойманную бабочку. Он сделал несколько шагов к королю, который мягко протянул ему руку, свободную от скипетра, и собрался надеть кольцо на палец его величеству.

У кого из них дрогнула рука? У мальчика? У юноши?

Кольцо выскользнуло из пальцев, но не долетело до пола, а подпрыгнуло, точно подброшенное, крутанулось в воздухе и... тихо упало королю в ладонь. Тот протянул его вассалу, который уже даже не старался скрыть свою робость, и ободряюще кивнул.

Ли Найто предпринял вторую попытку надеть кольцо королю. Она увенчалась успехом.

Мальчик отошел в сторону, держась неестественно прямо и шагая очень твердо. Бедняга, наверное, думал, что его неуклюжесть сочтут дурным знаком, если сам не пришел к тому же выводу и не обвинил себя неизвестно в чем.

Аминан хотел бы утешить Ли и сказать, что, если кольцо все же не упало, это не дурной знак, а добрый. Испытания в конце квартриона неизбежны, но Фиалам пройдет их и останется невредим. Но пока ни Хранители, ни кто бы то ни было другой, не имели права произносить ничего, кроме ритуальных фраз.

Герцог Эртвестский вышел, явственно шаркая ногами, сжимая в руках расшитую перевязь. Король шагнул к нему, и Фрэнсис Эртон бережно закрепил драгоценную ленту на одежде монарха. У Аминана отлегло от сердца: почему-то он боялся, что с перевязью тоже случится какая-то заминка, например, она соскользнет, и снова будут говорить и думать о дурном знаке.

Последний Хранитель отступил в сторону, и король поднял руку, призывая к тишине. Он, как и другие, знал, кто должен войти в следующее мгновение.

Двери снова растворились, и медленно, стараясь показать свое достоинство, вышел невысокого роста полноватый круглолицый человек с плавной, но быстрой походкой и уже начинающими сесть каштановыми волосами. Его одежды из темно-лилового шелка опоясывала цепь черненого серебра, на плечах лежала черная стола. Из-под подола виднелись острые носы темных сапог, сшитых, согласно старой традиции, на офицерский лад. То был кардинал Орани. Его сопровождали двое служек – один нес Святую Книгу, другой – корону. Все, как один, за исключением короля, поклонились кардиналу. Он воздел руки над головой и медленно опустил, призывая благословение на всех присутствующих, а затем взял корону с подушки и подошел к королю.

Один из служек опустился на колени, и черный том Писания оказался как раз под ладонью короля.

Наступало время присяги.

– Клянешься ли быть милосердным отцом подданным? – спросил кардинал.

– Клянусь, – ответил король.

– Клянешься ли быть справедливым судьей преступникам?

– Клянусь.

– Клянешься ли быть, мудр, правя страной?

– Клянусь.

– Клянешься ли быть мужествен, отражая врагов?

– Клянусь.

– Прими же венец, Виктор, он твой.

Аминан смотрел, как руки короля потянулись навстречу рукам кардинала, как корона легла в узкие юношеские ладони, которые – или ему почудилось? – заметно дрогнули. Кардинал Орани мягко поддержал ладони короля, и тот осторожно донес корону до своего чела и только после этого сел на высокий трон. Кардинал поклонился и вместе со служками отступил.

Аминан прикусил губу изнутри. Станный жест кардинала казался неуместным, отдавал чем-то неправильным, в нем виделась странная, непостижимая дерзость. Но размышлять было уже поздно: Хранителям предстояло принести присягу.

Вчетвером они подошли к трону, опустили каждый на одно колено и по очереди стали говорить:

– Я, Хранитель Севера, за себя и Дальгор клянусь быть верен королю и жду его приказов.

– Я, Хранитель Юга, за себя и Эн-Мерид клянусь быть верен королю и жду его приказов.

– Я, Хранитель Востока, за себя Донгмин и клянусь быть верен королю и жду его приказов.

– Я, Хранитель Запада, за себя и Эртвест клянусь быть верен королю и жду его приказов.

Король снова поднялся с трона и произнес:

– Слушайте же, Хранители, первый приказ короля. Следуйте за нами в Серебряную залу и будем пировать.

Монаршее «мы» в его устах прозвучало просто и естественно, без гордыни, без лишнего превосходства, всего лишь положенное слово, ничуть не более вымученное, чем «здравствуйте» или «спасибо». Если король был настолько умен, что сам нашел эту интонацию, его правление будет если не безоблачным, то благополучным. Если же ему это посоветовали, и тогда его царствование не отметится губительными ошибками.

– Прошу его величество отпустить тех, кому не место на светском пиру, – изрек кардинал, который теперь находился совсем близко к Аминану и смотрел на него странным, почти свирепым взглядом.

– Пусть уйдут те, кто не могут остаться, но сначала примут королевские дары, – возгласил король.

И вышли слуги, неся в руках ларчики и шкатулки разного размера. Каждый служка подставил свою подушечку и принял причитающийся ему дар.

– Да благословит Всевышний короля, – возгласил кардинал.

– Воистину, – стройным хором отозвались служки.

И церемониальная толпа растеклась на два потока. Один, возглавляемый кардиналом и состоящий из монахов, скрылся за дверью, в которую вошли Хранители. Второй, предводительствуемый королем и его четырьмя ближайшими вассалами, вышел в другую дверь.

Глава 2. Ли Найто

Большой зал, в котором проходило пиршество, радовал глаз черно-золотыми драпировками, гербовыми цветами королевской семьи Моранси, и Ли невольно залюбовался ими, едва не забыв про сами угощения. Тушеные в соусе овощи были, вероятно, вкусны, пока не остыли, но юный герцог Донгминский думал о них очень мало. Один слуга подлил в кубки немного вина, другой воды. Ли знал, что на пиршестве коронации вино всегда подают разбавленным, дабы празднество не омрачили ссоры и драки. Говорят, виночерпии короля были столь сведущи в своем деле, что умели с помощью воды не испортить, а улучшить вкус вина, но юного герцога Донгминского это сейчас совсем не занимало.

Он вновь оказался в одиночестве: матушка и тетя Кими занимали, как положено, стол Востока, справа от стола Хранителей, за которым сидел Ли. Там же, справа, поставили столы для людей и вассалов других герцогов. С родственниками сюда приехал только он сам.

Стол Хранителей стоял на небольшом возвышении, но чуть ниже, чем королевский, и Ли прекрасно мог видеть Его Величество, даже руку, на которой блестело кольцо Моранси. Под гербом королевской семьи, черного единорога на желтом фоне, рядом с Его Величеством сидела королева Фиалама, молодая и смуглая женщина, но внимания на ней герцог Найто не заострял. Мысли его текли иным руслом. Скипетр, мантия, перевязь – все после коронации было отдано в сокровищницу. Но без кольца с печатью Моранси король не мог появиться перед своими подданными, и потому оно считалось важнейшей драгоценностью, едва ли не важнее самой короны.

А Ли своей позорной небрежностью чуть не погубил всю церемонию.

– Вы все еще печалитесь? – шепнул кто-то слева.

Ли осторожно повернулся. На него смотрел герцог Эн-Меридский. Ли увидел его сегодня в первый раз, но отчего-то Аминан Анвар ему нравился. Он казался доброжелательным и улыбался приветливо, только глаза у него глядели грустно, хотя сейчас еще и выжидающе.

Ему рассказывал приходящий в Найтон учитель истории, мудрый и пожилой, о том, что происходило в Фиаламе последние несколько кватрионов, в том числе упомянул о том, что главы Великих Домов ведут свои рода от наместников мифических Миритов. В консилизме и оторианстве вера в Миритов, называемая миританством, считалась ересью, особо фанатичные церковники по приказу кардинала могли отлучить от церкви. Что же до учения Рина, которое исповедовали Ли, его родители и предки, отношение к «ереси» было более чем терпимым, а как относились южные приверженцы фраминизма, приветствующие кровавые жертвоприношения, Ли не помнил.

И это оказалось славным обстоятельством, потому что прямо перед ним сидел истинный фраминист, потомок наместника самого Соурена. Хранителя Юга и оттого Хранителем Юга зовущийся. Хотя сейчас такие громкие слова утратили смысл настолько, что о них не всякий церковник думал плохо. Но, как ни странно, мальчик не испугался герцога Анвара, несмотря на темные зловеще – а может и грустно поблескивающие глаза, и черную короткую бороду. В раннем детстве Ли был ребенком чувствительным, и такой облик южанина мог легко его напугать.

На гербе Анвара всегда красовался красный мангуст на золотом фоне, девиз же гласил: «Охоч до врагов». Опасный ли он человек? Почему-то понять сразу не получалось.

– Я не печалюсь, герцог, – собрался с мыслями Ли, – просто... мне стыдно за мою преступную небрежность.

– Не думаю, что это можно назвать намеренной небрежностью, к тому же я уже все вам объяснил, а вы, кажется, не желали запомнить.

– Да, что Фиалам выйдет из всех испытаний. Но я предпочел бы, чтобы их не было.

Герцог вздохнул.

– В конце кватриона испытания неизбежны. Но, если бы мне пришлось выбирать, когда родиться, я все равно бы предпочел именно это время.

– Почему же, герцог? – спросил мальчик.

– Потому что в эти годы тоже кому-то нужно жить, и если Всевышний выбрал нас, значит, мы для этого подходим лучше всего, – и герцог улыбнулся. – Смотрите, несут голубей на траве. Советую ни в коем случае от них не отказываться.

Блестящие, как бронза, голуби, лежащие на чем-то темно-зеленом, и вправду казались хороши, вот только Ли ожидал, что ему подадут одного, а не трех сразу. Одного голубя он съел с пробудившимся аппетитом и даже отведал «травы» – она оказалась сделана из фасоли с пряностями, но потом положил приборы по обе стороны от тарелки в знак того, что с этой частью трапезы уже покончил.

– Восточному герцогу не угодили королевские кушанья? – спросил человек справа, и Ли поежился, бросив взгляд на Фрэнсиса Эртона, пожилого человека, чью седину уже не скрывала отданная слугам шляпа.

И он подумал, рассматривая по-старчески суровое лицо герцога Запада, с неприятным выражением, что этот человек опасен только для душевного спокойствия. Таких людей матушка советовала обходить стороной, но что, если он не сможет?

– Нет, – тихо ответил Ли, – просто я боюсь, что уже не в состоянии есть.

– А ведь это еще только пятая перемена, а будет их всего двенадцать, не считая сладостей, – герцог Эртвестский усмехнулся. – Сколько, интересно знать, бывает перемен на восточных пирах? Четыре, три?

– Сто сорок четыре, герцог, – немного резко ответил Ли, – в счет числу лет в кватрионе, но все блюда подаются очень малыми порциями. У нас считается, что это изящнее и приличнее, чем наедаться до отвала несколькими кушаньями.

Он чувствовал, что говорит не то, что так можно довести до ссоры или до нелепой перепалки, но остановиться уже не получалось.

– Возможно, будь супруга его величества родом с Востока, здесь переняли бы этот изысканный обычай, – вмешался герцог Аминан. – Но она южанка, и потому королевский стол еще долго будет напоминать Эн-Меридский – обильная пища, много пряностей и плодов. Наверное, будет, по крайней мере, сладкое: засахаренные фрукты, изюм, сахарные фигурки

Больше показавшийся Ли чрезмерно заносчивым и высокомерным, старый герцог Эртон не разговаривал ни с ним, ни с Аминаном Анваром, однако, поддерживал беседу с герцогом Севера. Ли подумал, что, должно быть из-за обычая Запада часто брать в жены северных девушек. Иногда обстоятельства складывались иначе, и западные дворянки выходили за талнорских графов и, еще реже, герцогов. Может статься и так, что Аминан захотел выдать одну из своих дочерей за Мартина Дальгора. Впрочем, Ли был слишком уставшим и впечатленным за этот день, чтобы обдумывать все, возможно происходившее в мыслях других людей.

Слова южного герцога вселили в мальчика некоторую уверенность; в любом случае человек, спасший прежнего короля от покушения, не мог солгать или ошибиться – в этом Ли нисколько не сомневался. Когда Аминан Анвар сделал свой выбор в пользу страны и монарха, защищая того от своих родичей и вассалов, Донгминским герцогом был молодой Веймин Найто, а рождение самого Ли должно было случиться через три года. Но мальчик, наслышанный об этом замечательном поступке и своевременном выборе Анвара, восхищался им. Он был рад, что именно Аминан Анвар поддержал его сегодня.

Как жаль, что сейчас и Веймин Найто и Антуан Моранси мертвы... Ли подавил тяжелый вздох, бросив торопливый и обеспокоенный взгляд на прямо сидевшую за другим столом герцогиню Юмири Найто – она молчала и ничего не ела или ему только так кажется от излишнего беспокойства? Нет, такие мысли негожи для одного из верных вассалов Моранси – надо отбросить в сторону все сомнения и тревоги, чтобы веселиться и пировать. Поэтому он решительно поднял столовые приборы, ожидая слугу, как раз подносившего новое блюдо.

Но когда он отдавал должное разрезным пирожкам, видимо, приготовленным так же по южному рецепту, Фрэнсис Эртон снова дал о себе знать, попросив Ли подвинуть к нему блюдо с голубями. Пришлось действовать на редкость правильно и осторожно, чтобы не задеть супницу с густым горячим супом и не толкнуть ничей бокал. Если он продемонстрирует свою косорукость еще раз... Нет, все прошло успешно, западный герцог даже ответил ему благодарным кивком, но сердцебиение мальчика успокоилось не сразу.

Немного отдышавшись, Ли стал прислушиваться к разговору за столом.

– Кстати, говорят, его величество приготовил для нас некую новинку для завтрашнего дня, – заметил герцог Фрэнсис. – Кажется, в саду будут давать какой-то необыкновенной красоты фейерверк.

– Фейерверк? – повторил Ли с тихим восторгом.

– О, я вижу, у мальчика разгорелись глаза, и поярче любой шутихи. Неудивительно, молодость любит блеск, – герцог Запада фыркнул. – А вас, герцог Дальгорский, тоже прельщает это зрелище?

– По правде сказать, я с удовольствием бы на него взглянул, – прохладно ответил северянин. – Говорят, огненных дел мастера припасли на этот раз нечто необычайное. Но мне кажутся гораздо более интересными не вечерние, а дневные зрелища.

– О, балет с песнями? – глаза у герцога Эртвестского сделались очень странные – мутные и одновременно блестящие, как остывший суп. – Я прекрасно вас понимаю. Помнится, отец нынешнего короля был охоч до таких представлений.

– Я до них вовсе не охоч, мне интересны не вечерние, а дневные зрелища, – заметил герцог Мартин, и Ли вдруг вспомнил с усилием, что Мирита, наделившего его дальнего предка обязательствами и землями, звали Норден. Имена западного и восточного Миритов улетучились из опьяневшей памяти. – Утром будут давать трагедию «Эльда и Ганнон», а потом, после небольшой трапезы, комедию «Обойщик, женатый на графине», если я ничего не перепутал.

– Кажется, это я что-то путаю на старости лет, – мягко вмешался герцог Аминан. – Разве Ганнон не был убийцей и предателем?

– Был, – ответил герцог Дальгорский, – но сейчас стало модно переписывать старые истории на новый лад, находить пятна на солнце и цветы в грязи, сочувствовать злодеям и бранить героев. Скорее всего, в этой трагедии Ганнона оправдают, припишут ему двенадцать дюжин добродетелей и, может быть, даже выдумают, что Эльда любила его, а не Раймонда, потому что последний был не слишком достойным человеком.

Ли нахмурился и крепко сжал в кулаке серебряный нож с узорчатой рукояткой. Историю про Раймона и Эльду он очень любил, а Ганнона в детстве ненавидел так, словно он был живым человеком, а не вымышленным героем. Слышать, что его, оказывается, будут обелять и защищать, а обожаемого рыцаря оклеветают, показалось нестерпимым.

– Поэтому мудрые монархи и предпочитают балеты, – заметил герцог Фрэнсис. – Отец его величества сам принимал в них участие, к немалому восторгу придворных, в особенности дам.

– Да, я слышал об этом, – герцог Аминан вдруг нахмурился и сжал губы.

– Те, что умели сыграть с пользой для себя, ныне, вероятно, с радостью вспоминают старые представления, – продолжал Фрэнсис, и таким тоном, что Ли почувствовал, как краснеет. Отчего, он сам не понимал, но речь герцога Эртвестского казалась ужасно стыдной и неправильной.

– Те, что, как вы выразились, не умели или не желали уметь, вероятно, не так радостны, – голос герцога Аминана стал резче.

– О, да. Из-за этих балетов в свое время расстроилось две-три свадьбы. А лучше всего вам обо всем расскажет аббатиса Кэтрин из монастыря святой Саманты, разумеется, если она еще жива и не умерла от скуки и тщетных сожалений.

– Герцог, мне кажется, – Ли сам удивился, что заговорил, – что не... не стоит так отзываться о женщинах, тем более о монахинях, не надо над ними смеяться.

– Вот это новости! – хохотнул герцог Эртвестский. – Мало мне... – он перебил себя, – так еще и вы, молодой человек, будете меня учить. Между прочим, я в пять раз вас старше.

Ли растерянно смотрел на своего соседа, не зная, что ответить, но вдруг раздался звонкий крик:

– Молчите все, говорит король!

Герцог Аминан поднял голову и посмотрел на помост, Ли же в смятении отвернулся.

– Господа, мы надеемся, вы не собрались затеять ссору? – осведомился король Виктор.

– Нет, ваше величество, – быстро ответил герцог Аминан.

– Тогда отчего и зачем вы шумите?

– У нас говорят: «Старый и юный от малости хмелеют». Боюсь, что все мы уже выпили больше, чем следует, и должны до конца пира перейти на ягодные отвары.

– Разумеется, – король кивнул слуге, – исполняйте просьбу герцога Эн-Мэридского.

В этот раз Ли не чувствовал смятения или стыда, даже несмотря на то, что герцог Эртвестский так грубо укорил его в неуважении старших. Он привык почитать мать, тетю, вассалов, но не заносчивого старика, который не следит за языком! Даже если он такой же герцог, как и сам Хранитель Востока. Хотя сейчас именно ему, Ли Найто, следует проявить благоразумие, если этого не в состоянии сделать Фрэнсис Эртон, поэтому мальчик с беспокойством попытался сделать вид, что ничего не произошло.

Поднесли ягодные отвары, и он машинально глотал теплую душистую жидкость, не чувствуя вкуса. В голове странно шумело; Ли понимал, что действительно опьянел. В своей жизни он всего два раза прежде пробовал вино, но оно было совсем слабым, а сейчас все случилось иначе. И хотя Аминан, желая сгладить его вторую оплошность, сказал, что выпили много все, Ли все равно чувствовал себя неловко. Тем более, что шутки стали более плоскими, а потом и вовсе утратили свою соль. Ли снова почувствовал себя виноватым, но это его теперь не задевало. Пьяных совесть не мучает долго, как говорил кто-то из семьи Син, и теперь мальчик в этом убедился.

Так празднество медленно и уныло катилось к своему неизбежному завершению, и сейчас разговаривали только Аминан и Мартин. Ни Ли, ни Фрэнсис больше не вмешивались в плавное течение общей беседы: один из страха устроить новую перепалку, второй – обиженный, казалось, на весь белый свет, и сидя в стороне от остальных. Глядя на это Ли снова не почувствовал за собой вины, но вспомнил, как однажды Эртвест едва не отделился от всего Фиалама – из-за несогласия с тем, что новым королем стал западник Моранси. Это печальное событие произошло в конце позапрошлого кватриона, но главой Эртвеста был не вздорный старик, а горячий и пылкий юноша, готовый костьми лечь за независимость своей провинции. Кажется, тогда представители семьи Мейсон сделали своим вассалом некоего Силивана и молодой граф даже выдал за него свою сестру. Так ли было дело или нет, Ли не знал, ему рассказывал об этом наставник, однако преподнес, как историю с сомнительной правдивостью.

Лучше смотреть на свои земли, чем судить чужие – так решил мальчик, когда в его голове снова зашумело. За его спиной показалось какое-то движение, это бесшумно открылась дверь в трапезную, что Ли узрел, чуть обернувшись. Начальник королевской охраны, Деметрий Силиван, которого он мельком видел, входя сегодня во дворец, невысокий человек с темными волосами и вытянутым лицом, приблизился к королю и что-то тихо сказал ему, склонившись.

То, что случилось что-то неправильное, Ли понял сразу – по молчанию, которое накрыло королевский стол, а вслед за ним – и всю пиршественную залу. Все замерли, но лишь на одно невыносимо длинное мгновение. Тишина натянулась – и прорвалась гвалтом, беспорядочными возгласами и испуганными восклицаниями. Королева порывисто приподнялась навстречу незнакомому человеку, прижав руку к груди. Ее смуглое лицо разом осунулось и сделалось землисто-бледным.

– Молчите все, говорит король! – выкрикнул слуга, и его голос сорвался на жалобный писк – протрубил, как говорили на Востоке.

Снова все умолкли. Ли с жадной тревогой смотрел, как король медленно поднимается, оглядывает собравшихся и медленно начинает свою речь:

– Друзья и вассалы, мы должны сообщить вам о необычайном и волнующем происшествии. Дело в том, что не далее как три часа назад из королевской сокровищницы был похищен кинжал Моранси.

Ли, не удержавшись, охнул. Герцог Эртвестский рядом с ним тяжело задышал, держась за сердце. Герцог Аминан подобрался, сжал губы и внимательно смотрел на короля.

Ли, конечно, слышал о знаменитом кинжале, который сопровождал мужчин семейства Моранси еще в те времена, когда они не были королями. Когда короновали первого из Моранси, он сказал: «Этот клинок помог нам добыть славу и сохранить честь. Пусть отныне его уделом станут почет и покой. Пока Моранси хранят память о былом, королевству не грозит никакая беда».

И вот теперь кинжал украли...

– Что же будет?.. – невольно проговорил Ли, и герцог Эртвестский сердито на него шикнул.

– Пусть начальник королевской охраны расскажет остальное, – распорядился король и смолк, слегка наклонив голову.

– Господа, – заговорил начальник охраны, – взвесив все обстоятельства, я пришел к выводу, что кинжал был похищен сегодня утром, незадолго до коронации, и вор либо воры все еще находятся во дворце.

Снова по зале прошел ветер – пораженный вздох, сорвавшийся с сотен уст.

– Я осознаю, насколько тяжело и оскорбительно обвинение, которое я высказываю, и потому прошу вас не гневаться и не держать на меня зла, но, напротив, понять меня, ибо событие, с которым мы все столкнулись, есть дело государственной важности. Поэтому до осо-

бых распоряжений его величества никто из здесь присутствующих не должен покидать дворца. Это относится и к прислуге. Благодарю, что вы меня выслушали.

Капитан коротко поклонился и отошел к дверям.

– Известие печальное, однако, мы считаем своим долгом скрасить нашим подданным заточение, которое, смею надеяться, продлится недолго, – король говорил бодро и быстро, почти весело улыбаясь. – К услугам наших гостей будут предоставлены лучшие кушанья, приятные развлечения и при необходимости помощь врачей. Завтрашние праздники не потерпят никаких изменений, а пока, – его величество хлопнул в ладоши, – пусть несут десерты.

И сладкое было принесено – орехи, изюм, чернослив, разнообразные пирожные и, наконец, огромное блюдо, на котором была воздвигнута высокая крепость. Проворные слуги начали разбирать ее на части, разнося по столам башни и мосты, стены и насыпи вместе с крохотными серебряными ложечками.

Если бы не эта ужасная кража, Ли, наверное, долго любовался бы доставшейся ему башенкой, не решаясь испортить такую красоту. Но теперь восхищаться искусством поваров не было сил, заговорить казалось страшно, а молчать еще страшнее. Поэтому Ли молча ел свою башенку – она оказалась целиком сделана из сахара – и никак не мог отвязаться от единственной страшной мысли:

«Что же теперь будет? Что будет?!»

Глава 3. Аминан Анвар

Утреннее пробуждение показалось Аминану Анвару вязким и горьким и чем-то напоминало забродивший травяной отвар, остатки которого нерадивый слуга забыл в стакане на столе.

Но, как бы ни было приятно, пришлось вставать, равнодушно наблюдать, как проворный молодой Хасан отодвигает тяжелые занавески, и решать, как вести себя дальше. В сонные глаза ударил ярко-золотой луч солнца. Странно, осенью здешнее солнце так не светит...

Аминан чуть слышно вздохнул, пытаясь разогнать туман сонливости. Он мог бы приказать Хасану задвинуть занавеску обратно, но не имеет право проявлять слабость даже при слугах. Ночью ему снился покойный Антуан, он был печален, говорил мрачно и сурово, но утро выветрило остатки последних воспоминаний об услышанном. Тем не менее, Анвар теперь просто не может отступить назад и сдаться, что бы ни случилось.

Если мертвым дано знать о том, что происходит в мире живых, события вчерашнего вечера, вероятно, сильно огорчили и взволновали Антуана. Он всегда не то чтобы верил в приметы, но очень почитал королевские регалии и реликвии, в особенности кинжал Моранси, который считал чуть ли не причиной и основой процветания Фиалама. Может быть, поэтому он и явился во сне к старому другу – надеялся, что он поможет, найдет способ вернуть украденное и уберечь страну от потрясений, о неизбежности которых в конце кватриона в один голос твердят и неграмотные суеверы, и высокоученые историки.

Что ж, Аминан сделает все, что возможно, по крайней мере, если начальник королевской охраны решится задавать герцогу не очень удобные вопросы, ответит на все честно и ясно, стараясь припомнить нужные детали. Впрочем, герцог слабо верил, что из расследования будет прок. Вор, если он достаточно умен, наверное, давно скрылся, и следы его остыли.

Не смей, приказал себе Аминан. Думать так – все равно, что сдаться сразу, старый друг не для этого расстался с блаженством Живого леса и явился к тебе.

– Хасан, подай воды для умывания и бритья, – приказал герцог, садясь на постели. – И приготовь одежду.

– Парадное платье, ваша светлость? – уточнил Хасан.

– Разумеется, и поскорее.

Ожидать долго не пришлось: Хасан поспешил принести требуемое. Несмотря на молодость, он отлично схватывал всё на лету и блестяще исполнял приказы. Когда дверь закрылась за слугой с тихим хлопком, Аминан неторопливо оделся и побрился. Солнце уже не терзало глаза, хотя он и не смотрел в сторону окна. Эта неприязнь к золотому свету появилось после того, как Аминан узнал имена предателей, но на пятнадцать лет оно стихло, а теперь вернулось заново.

Аминан осмотрел себя в зеркале и остался довольным. Он, правда, привык к широкой и простой одежде без лишних украшений. Узкий придворный камзол с шитьем и бриджи ему

не приходилось надевать почти пятнадцать лет, и Аминан опасался, как бы он совсем не разучился носить одежду, подобающую герцогу Эн-Меридскому.

Разумеется, до представления оставалось немало времени, да и не было особого желания смотреть спектакль. Однако сидеть взаперти хотелось еще меньше, и Аминан вышел в коридор.

В дворцовых покоях, закрепленных за Хранителем Юга и его спутниками, за пятнадцать лет не изменилось ничего, зато в коридоре, который вел от них, переменилось все, что можно. Раньше здесь стояли роскошные вазы из серебра и алебаstra, резные и расписные, и несколько старинных парадных доспехов, а теперь места в нишах заняли статуи, а стены, ранее обитые узорчатой тканью, скрылись за гобеленами, которые, кажется, вошли в моду.

Покинув навязчивую пестроту коридоров, Аминан вернулся к себе.

– Ваше Сиятельство, – Хасан нашел его, задумавшегося и хмурого, в гостиной, – в какой трапезной прикажете подавать завтрак, Большой или Малой?

– В Малой.

Нечего роскошествовать, по крайней мере, настроение к этому вовсе не лежало. Если бы в гости заехал Адис, Аминан бы приказал накрыть в Большой, но в одиночестве там слишком неуютно...

Аминан помнил негласное правило долгих празднеств: в первый день можно пировать в свое удовольствие, а во второй и последующие на людях надлежит есть как воробей, поэтому, хотя и не испытывал сильного голода, откушал пищу простую, но обильную и сытную: яичницу, ароматный сыр, холодное мясо, молодое вино и свежий хлеб. Тем временем солнечное золото за окном сменила серая пелена, и начался неприятный мрачный ливень.

Когда он покончил с трапезой и ополоснул руки душистой водой, вошел Хасан и с поклоном доложил:

– Ваше сиятельство, в приемной вас ожидает виконт... э... – на фамилии слуга споткнулся, – словом, капитан охраны.

– Вот как? – он ждал, что Силиван придет задавать вопросы, но не думал, что так быстро. – Тогда проводи его в гербовую гостиную, пусть туда подадут вина и чего-нибудь легкого.

В последний раз, опустив руки в подогретую чашу и хорошенько обтерев уголки губ, Аминан поднялся с места и направился в гостиную. Волнения герцог не чувствовал, поскольку разговор с начальником охраны – дело ожидаемое, но как вести себя, не знал. Впрочем, не он украл, не ему и переживать об этом. Дверь поддавалась тяжело, пришлось толкнуть ее еще раз, после чего Аминан смог войти. Деметрий Силиван устроился в герцогском кресле за столом так вольготно, словно хозяином покоев был он, а не Аминан. Впрочем, не сгонять же его с места, так что Анвар поздоровался и сел напротив.

Силиван походил на крысу хитрыми глазами, тонкими губами, хищно вытянутым носом, но внешность часто бывает обманчивой и не стоит по ней судить. Даже если на его гербе воинственно кружит золотой коршун

– Рад видеть вас, неано Аминан, – с умеренной вежливостью произнес начальник охраны.

– Счастлив принимать вас, виконт Деметрий, – ответил Аминан тем же тоном. – Сейчас принесут вино и закуски.

– Благодарю, я не испытываю голода или жажды, – ответил Деметрий. – Я пришел по делу.

– Это один из обычаев Эн-Мэрида – даже если гость пришел по делу, ему должны поднести угощения, в противном случае хозяин просто перестанет себя уважать.

– Благодарю вас, и прошу прощения, я действительно был невежлив, но события прошедшего дня... вы же понимаете, как они подействовали на нас всех, – глаза Деметрия неприятно забегали.

– Я понимаю, – согласился Аминан, немного нажимая на «я», – и догадываюсь, для чего вы пришли. Хотите расспросить меня о моей свите? Все слуги до единого и охрана приехали со мной из Эн-Мэрида, никого нового в городе я не нанимал. Мои люди честны и надежны, и я верю им, как себе.

– Надеюсь на это, – пожал плечами капитан королевской охраны. – Но такие люди будут проверяться в последнюю очередь. Я предполагаю, что первым делом к этому могут быть причастны дворяне, и поэтому сначала собираюсь допросить всех приехавших. Не принимайте на свой счет, простая формальность. Надеюсь, в итоге она окажется полезной. Расскажите, пожалуйста, о каждом из своих вассалов, только в этот раз беспристрастно.

Аминан сначала решил, что этот Деметрий над ним издевается, но потом напомнил себе, что столичным жителям не очень интересно, что происходит в провинциях, и ровным голосом начал:

– Я немного могу сказать о большинстве моих вассалов. По некоторым причинам в последние годы я мало с ними общался.

– И какие же это причины? – подобрался гость.

Нет, он действительно издевается!

– Эти причины не имеют отношения к краже кинжала. Словом, я расскажу вам все, что могу рассказать, а вы судите, насколько можете доверять моим словам.

Ему не нравился Силиван, но дело тут было не в гордости и не в обиде; Анвар сам не знал, почему этот странный и скользкий человек вызывает у него такую неприязнь. Но симпатии и чувства им противные лучше оставить на потом, чтобы сохранять холодность души и ясность ума. В конце концов, он не заносчивый юнец, чтобы выказывать антипатию к почти незнакомому человеку. Поэтому он сейчас расскажет...

Да, надо рассказать. О Мариам, Инамах, Мистанах, хоть те и являются вассалами Бедилей. А о Бедилях он не будет говорить, ведь... Неважно. Просто не стоит о них рассказывать, ровно как и думать о побудивших его на то причинах.

Силиван неприятно улыбался, а Аминан медленно говорил:

– Мариам – семейство, что называется, себе на уме. Граф Эмин, который ныне является старшим в роду, к тому же в то время, что я водил с ним знакомство, был легкомыслен и своеволен, впрочем, время меняет людей, и каков он теперь, я не знаю.

– Нрав нельзя изменить, разве что скрыть, – заметил Силиван.

– Возможно, – Аминан нахмурился, – но, полагаю, вы пришли слушать меня, а не говорить, поэтому прошу меня не перебивать. Эмин также всегда был честен, кража для него немыслима.

Силиван с сомнением покачал головой.

– Не судите по... поспешно, – посоветовал Аминан.

– Вы тоже не судите... поспешно, а будьте беспристрастны, я вас об этом уже просил, – парировал Силиван.

– Я беспристрастен, иначе я отозвался бы о графе гораздо суровее, но, хотя мы далеко не дружны, я не могу не отдать должное его достоинствам. О Басире Мистане, моем дяде, я и вовсе не смогу сказать ничего плохого, да это и лишнее, его ведь здесь, к сожалению, нет.

– Почему же к сожалению?

– Он наблюдательнее, чем я, и мог бы заметить и поведать вам нечто важное. Но я догадываюсь, что больше всего вы хотите услышать об Инамах.

Силиван не сказал ни слова.

– Гаэтано всегда был не столько южанином, сколько столичным жителем, да и в Эн-Мериде бывал наездами. Одно время мы вели переписку, но постепенно она сошла на нет. Он славный человек, благоразумный, спокойный и миролюбивый, хотя временами слишком снисходительный к чужим недостаткам. Вот, собственно, и все, что я имею вам сказать о моих родичах.

– Правда? – Силиван поднял брови. – А я полагал, что услышу от вас и о Бедилях? Ведь, кажется, именно эту фамилию носит ваш друг?

Отвечать, да и вообще разговаривать с этим человеком, глядя в его серо-льדיстые холодные глаза, у Аминана не оставалось желания, но кто спрашивал его? Не спросили тогда, отрекаясь от сюзерена, не спрашивает Силиван и сейчас, а медлить с ответами себе дороже. Рассказать про Эльмазов, планировавших убийство Антуана, или нет? Про них следует молчать, как и про Бедилей, потому что... Собственно, виконт что-то знает о Бедилях, общеизвестное, но неприятное. Ему, Анвару, неприятное.

– Да, он мой друг, – подтвердил мужчина, стараясь не менять тона. – Мне бы не хотелось говорить о нем, поскольку хочу оставаться беспристрастным и дальше.

– Что ж, думайте, что хотите, – во взгляде виконта мелькнуло что-то вроде презрительной усмешки. – Итак...

Вошли двое слуг: один держал поднос, на котором стояли откупоренная бутылка вина и бокалы, другой – небольшое блюдо с незамысловатыми закусками, из тех, что на Юге насмешливо называли «пища незваного гостя». Оба поклонились, и Хасан – именно он нес вино – быстро и изящно разлил его по бокалам.

– Угодно что-то еще? – спросил он.

– Благодарю, пока ничего не нужно, – рассеянно сказал Аминан: он думал сейчас не о винах и лакомствах, а о том, что может спросить Силиван и что ему ответить.

Слуги ушли, и Аминан приглашающее повел рукой:

– Угощайтесь же.

Силиван пригубил вино, но тут же снова поставил бокал на столик.

– Что я хотел у вас спросить? Ах, да, надо полагать, о своих вассалах и родичах вы сказали все, что могли. Теперь меня интересует, не видели ли вы чего-нибудь подозрительного?

– Ничего подозрительного, – отозвался герцог, перед этим взвесив в уме события вчерашнего. Разговор, коронация, перепалка Запада и Востока, но это же такие пустяки... А еще легко доказать, что все герцоги и вассалы собрались в одном помещении вчера, значит ли это, что среди приглашенных во дворец дворян нет даже подозреваемого?

– Уверены?

– Да, – собственный голос прозвучал неприятно и надтреснуто, потому что уверен Аминан не был.

Герцог Эн-Меридский никогда не умел искусно лгать, в крайнем случае он предпочитал молчать о том, о чем говорить не следовало. Силиван, как подозревал Аминан, тоже это понимал и мог в любой момент обвинить его в попытках сокрыть истину, однако почему-то не делал ничего подобного.

– В таком случае, – сказал виконт, – разрешите с вами проститься. Я должен успеть опросить еще очень многих. И кстати, я прошу у вас разрешения на небольшой разговор с вашей свитой и прислугой, в особенности прислугой. Люди скромного звания, знаете ли, часто замечают больше господ, – и снова он усмехнулся, то ли издеваясь над Аминаном, то ли находя свою незатейливую максиму безмерно остроумной.

Он встал с места и стремительно прошел к двери.

– До свидания, герцог, и прошу вас проявлять гнева и не чинить препятствий, когда к вам придут.

– О чем вы? Кто придет? – начал Аминан.

– Сожалею, герцог, что дело вынуждает прибегать к подобным мерам, но, надеюсь, вы меня поймете, и не будете создавать помехи расследованию. Есть подозрение, что кинжал Моранси спрятан во дворце, поэтому все помещения необходимо проверить.

– Виконт, вы понимаете, кому вы это говорите? – помрачнел Аминан, поднимаясь с места.

– Понимаю и сожалею, если мои слова и действия покажутся вам оскорбительными, но я повторяю, обыскивать будут все комнаты, весь дворец сверху донизу, поэтому никакого бесчестия вам не причинят.

– Ну да, когда все в грязи, никто никого не называет грязным, – протянул Аминан.

– Не совсем так, но я признателен, что вы меня понимаете. Если стража позволит себе какую-либо грубость, сообщайте мне, виновные будут строго наказаны. Они также предупреждены, что в случае нарушения порядка я приму строгие меры. Это все, что я могу для вас сделать.

И он молча встал и вышел, не произнеся более ни слова и не услышав ничего от Аминана. Оставшийся в звенящей тишине одиночества южанин переводил взгляд с закрывшейся за Силиваном двери на нетронутые закуски. Впервые за очень долгое время он не знал, что говорить и что делать, а сердце отчего-то неистово колотилось в груди. Не желая оставаться сломленным и слабым, он шагнул к двери и велел отнести закуски слугам. Раньше Аминан так не делал, но куда ему сейчас до благоразумия и спокойствия?

Коридоры встретили его пустотой и пронзительной тишью, а звук собственных торопливых шагов показался слишком громким. Наконец он вошел в Большую залу, где представление вот-вот должно было начаться, и сразу отметил, что остальные Хранители уже здесь. Мелькнула темная низкая макушка взволнованного Ли, впереди замаячили белокурый и седой затылки: видимо, Север и Запад продолжали оставаться приятелями. А где Адис?

Аминан оглядывал залу, задержавшись недолгим взглядом на королевском столе. На этот раз здесь присутствовали не только венценосные супруги, но и родственники со стороны королевы. Слева от ее величества Камиллы восседали супруги Инам, благообразная пожилая дама и статный старик с резкими чертами лица, которые, по счастью, не передались его дочери.

Прежде, говорят, на дворцовых представлениях был обычай – сажать наименее родовитых подальше, более знатных – поближе, а королевскую семью – прямо на сцене. Однако после того, как лет пятьдесят назад королева, испугавшись, чуть было не потеряла дитя, этот порядок отменили и места распределяли по жребию, вынимая номерки из небольшой вазы. Новая затея оказалась полезна еще и тем, что теперь дворяне уже не ссорились из-за мест – кто же обижается на судьбу. А чтобы гости не чувствовали себя одинокими, на каждой билетике с двух сторон было написано два соседних номера и тянуть полагалось вдвоем.

В одном из кресел, Аминан заметил подле Фрэнсиса донельзя беспокойного и по-старчески хмурого, не имеющего ничего общего со сдержанным герцогом Дальгорским, молодого человека, который оглядывал окружающих с неприличным любопытством и только что не ерзал на месте. Впрочем, не стоило его осуждать: сам Аминан, впервые посетив столицу, вряд ли выглядел солиднее, хотя был постарше. С другой стороны увидел старого знакомого, мальчика Ли, но тот был ужасно взволнован, смотрел перед собой, и не заметил, как герцог ему кивает. Дамы, которые сидели рядом с юношами, тоже не удостоили Аминана Анвара своим вниманием, ни женщина в цветах Найто, скорее всего, вдова прежнего герцога и мать нынешнего, ни ее худощавая спутница в лиловом.

Аминан бы, наверное, долго стоял на пороге, размышляя неизвестно о чем и попирая правила приличия пристальными взглядами на малознакомых людей, однако вскоре услышал веселый возглас:

– И долго вы, герцог, намерены здесь стоять?

– Доброе утро, Адис. Я ждал тебя, – ответил Аминан, увидев друга.

– Вот как? А без меня ты не можешь войти? Можно подумать, не я твой вассал, а ты мой, – Адис засмеялся. – Извини, глупая шутка. Я немного не в себе из-за вчерашнего, и еще этот Силиван.

– И тебя успел допросить? Быстрый...

– Мы поговорили, – пожал плечами Адис, – обсудили кое-что. Не бери в голову. Силиван заносчив, но свое дело знает отлично. Старается во дворце, чтобы не выставили со службы, и не было причины ехать домой, к семейству, – последнее слово он выдохнул с подавленным сожалением, запустил руку в низкую серебряную вазу.

– Вот наши места, – сказал он, показывая номерок. – Пошли, сядем, заодно договорим.

Договорить им не удалось: вокруг беседовали мужчины, посмеивались женщины, толкали друг друга и оживленно разговаривали дети. Благо последних было немного в зале, лишь несколько смешливых проворных пажей и Ли, а еще молодые порученцы заняли свои места, и многие из них – уроженцы Запада. Вскоре Анвару наскучило наблюдать за ними, и он взглянул на высокие кресла с резными спинками, в которых восседали король и королева.

Кажется, оба были совершенно равнодушны к представлению, и Аминан понимал их, в особенности сына Антуана. Король редко бывает весел в дни своей коронации, когда осознает до конца, какую ответственность принимает на себя и чего лишается до конца дней. Только себялюбцы или непроходимые глупцы радуются королевскому венцу, для всех остальных он, даже если желанное, все же бремя. Жена тем более не может быть счастлива и весела, когда мрачен и задумчив ее муж, разве что она жестока и легкомысленна.

Даже если бы вчерашний день прошел без происшествий, и тогда бы Виктор Моранси не был безмятежен. Но проклятый вор – или воры – до того замутили чистую воду, что настроение короля, казалось, передалось всем придворным. Никто не был спокоен, никто не радовался, в зале висела тугая, тяжелая тишина, от которой не бывает ничего хорошего. Может быть, этого и добивались неведомые злоумышленники – сеяли страх и тревогу.

Запели скрипки, зазвенела труба, и на сцену вышел актер в старинной, подобающей времени действия, одежде. Он начал декламировать, как водится, объясняя зрителям, что происходит, и Аминан не сразу понял, что это Ганнон.

– Мой друг, как счастлив ты! Судьба твоя – любить.
Мой горестный удел – любовь мою таить.
Меж Эльдой и тобой вовеки я не встану,
Не смею прибегать ни к ковам, ни обману.

– Не смеет он, как же, – буркнул Адис, – Ничего, скоро осмелеет.

Сидевший впереди, немного правее, герцог Эртон не поленился обернуться, сурово посмотреть на Аминана и сказать несколько гневных фраз, заглушаемых музыкой, однако того поведение склочного старика ничуть не трогало. Интересно, разговаривал ли с ним уже Силиван? Аминан покосился на беззаботного Адиса, что вольготно, совсем как Деметрий в его гостиной, сидел в соседнем кресле и наблюдал за сценой.

Анвар решил после спектакля, как следует выговорить другу, который, в конце концов, был его вассалом, значит, герцог Эн-Меридский отвечал за поведение графа и за то, что о нем думают другие.

Пока он ограничился суровым взглядом, на который Адис ответил показным смущением, и снова стал смотреть на сцену.

– Увы, любимый мой, ушел ты в дальний путь,
На башню я взойду, чтоб вслед тебе взглянуть,

– сокрушалась на сцене актриса.

– А она хороша, – задумчиво произнес Адис.

– Правда? – равнодушно откликнулся Аминан. – Я не разбираюсь в искусстве декламации.

– А я и не о нем, – ответил Адис и продолжил смотреть на сцену.

Аминан ожидал, что герцог Эртвестский снова сделает замечание, но тот промолчал. Причины у этого, как справедливо рассудил южанин, вовсе не имели отношения к тому, что старик вдруг решил скрыть вздорный характер. Отец, которого Фрэнсис Эртон пережил на добрый десяток лет, иногда упоминал о его ветрености и любви к женщинам, что неистово бурлила в крови западного герцога. Теперь Эртон умрет, не оставив наследника, и его провинцию разберут на куски вассалы, так же как в свое время и Эн-Мерид. Но полно тосковать, лучше ненадолго забыться в игре актеров и музыке.

Это оказалось проще, чем Аминан ожидал. Старая история была изменена до такой степени, что стала казаться новой. Стихи были неплохи, а произносимые приятными голосами актеров так и вовсе стали хороши. К тому же он знал о правилах нынешнего театра: поменьше

жестокостей и странных несообразностей, побольше добрых примеров, и любопытствовал, как можно соблюсти это правило при подобной основе.

Драматург справился с делом: предатель и вправду оказался несчастным и ни в чем не виновным человеком – его друг погиб по горькой случайности. Саму гибель показали изящно и просто: сцена повернулась, оставив декорации и скрыв актеров, а затем гулко, будто издали, зазвенели голоса:

- Держись, мой друг, держись! На помощь я иду!
- Скорей спеши, Ганнон, не то я упаду.

Правда, голос одного казался слишком ровным для бегущего, а другого – слишком звучным для того, кто боится вздохнуть.

– А лет двести назад эту комнату использовали для казней, – шепнул Адис. – Вращающийся пол увозил человека прямо в комнату с палачом – к полной для него неожиданности.

- Будь добр, дай послушать, – буркнул Аминан.

Слушать было что: сначала скорбящий Ганнон оплакивал друга, держа в руке его случайно сорванный перстень, а затем вернулся на родину, к его невесте, втайне надеясь на ее благосклонность. Эльда, однако, вовсе не желала менять жениха, и Ганнон рассказал обо всем происшедшем сам, без всяких неожиданных птиц, прекрасно понимая, что ему грозит смертный приговор, но, не желая жить.

- Пускай бесчестно смерть найти на эшафоте,
Бесчестней жизнь прервать по собственной охоте,
- с горечью сказал он, завершая свой монолог.

Его увели за сцену, видимо, чтобы предать казни, а Эльда выразила желание уйти в монастырь, считая себя виновной в смерти Ганнона. Пьеса закончилась, и под рукоплескания, сначала неуверенные, но затем все более сильные и слаженные, актеры вышли для поклонов и реверансов.

Аминан сидел, чувствуя, как внутри со странным клекотом начинает закипать непонятное волнение, и до самого последнего шага стоявших на сцене людей сидел безмолвно и неподвижно. Впрочем, Адис не аплодировал тоже, как и некоторые другие. Мальчишка и старик, что словесно сцепились вчера за столом, смотрели на опустевшую сцену с недоверчивым волнением, и Анвару подумалось, что в кои-то времена эти двое хоть в чем-то схожи. Тишина, воцарившаяся после ухода актеров, враз исчезла, уступив законное место восторженным возгласам и громким обсуждениям.

Адис Бедиль неспешно встал, опершись ладонями о мягкие подлокотники, и слегка улыбнулся другу.

- Как тебе трагедия?

– Недурна, хоть и упрощена до безобразия. Надеюсь, что комедию нам покажут достойную, – покривил душой Аминан. Он не был полностью уверен, что разочаровался в трагедии.

– Возможно, – судя по тому, с какой неохотой улыбнулся Адис, он тоже хотел сказать иное.

Недомолвки между друзьями – прямая дорога к жесточайшей ссоре, так сказал дед Аминана его отцу, когда сам Аминан был еще мальчишкой, но вряд ли это имеет отношение к нему и Бедилю. Просто оба устали и взволнованы.

– Герцог, вы разве не знаете, что комедию отменили?

Вопрос был задан самим королем, который под руку с женой шел к выходу из залы. И Аминан почувствовал, как внутри у него что-то нехорошо сжалось. Произошло еще что-нибудь? Нет, королевская чета выглядит и ведет себя слишком спокойно для новой беды. Наверное, в краже заподозрили придворных актеров.

– Поймите меня правильно, неано Аминан, – именно таким теплым тоном разговаривают со спасителем своего отца, – люди не видят повода для радости, когда их силой удерживают во дворце и в городе, а начальник дворцовой охраны опасается нового происшествия.

– Да, Ваше Величество.

Анвар посмотрел на удаляющуюся пару, на безмолвно стоящих в углу гвардейцев, одетых в черно-желтые мундиры, на безмятежное лицо лучшего друга, и четко осознал, что очень многое вокруг далеко от его понимания, как небо от земли, и что в этот раз он не менее бессилен, чем тогда.

Глава 4. Камилла Моранси

Согласно устоявшимся в Фиаламе законам и обычаям, принятым еще в глубокой древности, а именно – второй половине первого кватриона, когда закладывали столицу, ведь примерно с этого времени ведется счет существования мира Акеман, королеву Фиалама короновали отдельной церемонией через одну седмицу после восхода на престол короля, если принц женился раньше смерти отца. В противном же случае коронация Ее Величества происходила сразу после брака, и Камилла Моранси, в девичестве Инам, кардинал Орани, священник Бенедикт знали об этом. Более того, лето 140 года четырнадцатого кватриона казалось кардиналу наилучшим для коронации – однако, после того, как королевские гвардейцы в смятении доложили о краже кинжала своему начальству, капитану Деметрию Силивану, а тот – королю, все пошло прахом. Испуганно прижимая смуглую ладонь к разгоряченной от волнения щеке, Ее Величество не знала, что может сказать или сделать, а ее ныне венценосный супруг растерялся тоже, хоть и отдавал приказы твердым голосом. Камилле было восемнадцать, Виктору – девятнадцать, они поженились в начале лета и собирались управлять огромной страной, сердцем Акемана. А теперь чья-то подлость и ловкость сыграли против королевской четы.

Виктор, несмотря на охватившую его растерянность, знал, что делать. Сразу после объяснений он заговаривал зубы подданным, и, наверное только Камилла видела, как дрожали губы мужа, когда он улыбался, пытаясь поправить положение.

– Известие печальное, однако, мы считаем своим долгом скрасить нашим подданным заточение, которое, смею надеяться, продлится недолго. К услугам наших гостей будут представлены лучшие кушанья, приятные развлечения и при необходимости помощь врачей. Завтрашние праздники не потерпят никаких изменений, а пока пусть несут десерты.

Вечер после праздничного пиршества закончился тревожно и невесело: гости, после объявления лично королем Виктором приказа оставаться в своих покоях до поимки вора или хотя бы нахождения кинжала, в скором времени разошлись из украшенного зала. Недовольные, расстроенные, удивленные... Камилле, с ее искренним добросердечием, было жалко каждого из них, однако матушка, познавшая суровые нравы северного Талнора, провожая свое единственное дитя в дальнюю дорогу, сказала тихонько, что на одном сочувствии к подданным не уедешь. Наверное, София Инам, в девичестве Берг, молвила те слова верно, подвергать их сомнению точно не хотелось. Но что молодой королеве делать теперь?

Выросшая в традициях солнечного Эн-Мерида дочь южанина и северянки Камилла любила орехи и засахаренные фрукты, поэтому не смогла отказаться от них, однако свою вполне внушительную часть сахарного замка приказала отдать камеристкам. Пусть девушки порадуются сладкому вместо нее, а у нее совсем пропал аппетит, и, сложив ладони на коленях, молодая королева расправила плечи, затем послала вопросительный взгляд застывшему с каменным лицом кардиналу. Его Высокопреосвященство Орани молчал, настороженно сверкая светлыми глазами, и оставалось лишь верить, что он не захочет вмешиваться в суть происходящего, ведь где кардинал, там и фанатик Бенедикт, в миру некогда носивший фамилию Силиван.

Слава Всевышнему, святого отца Бенедикта здесь нет, а то закричал бы, вытаращив жутковатого вида красные глаза, что противники воли Творца отобрали у монарха Фиалама семейную реликвию, освященную консилисткими монахами в далеком прошлом. Сама королева

с такими его выходками не сталкивалась, но слышала о подобном от мужа и кардинала, что вовсе ее не радовало. С другой стороны, как мудро рассуждал Орани, может случиться и так, что за долгую церковную службу отец Бенедикт станет вести себя смиреннее и тише.

Но она слишком задумалась, к тому же, Виктор успел встать с кресла.

– Вашу руку, сударыня, – произнес он нетерпеливо и взволнованно, повернувшись лицом к жене. – Сегодня ночью возле наших с вами покоев будет усилена охрана.

– Вы предполагаете о возможности покушения?

– Я не буду удивлен, если он или они попытаются. Идемте...

Без страха и сомнений Камилла вложила смуглую узкую ладонь в бледную сильную руку короля, но запоздало вспомнила, что им следует, согласно дворцовому этикету идти, держась не за руки, а под руки. Впрочем, кого бы волновало сейчас столь незначительно малое отступление от правил? Когда случается дерзкое преступление, можно ожидать либо покушений, либо мятежей, либо позора королевской семье Фиалама перед иностранными послами и гостями, до которых вполне могут донести неприятное известие, если вора не схватят. А может, и всего сразу! Как знать, не познает ли венценосная чета тот самый крах, что и принц-близнецы Нормандены сто пятьдесят лет назад? Эта мысль причинила ей боль, но Камилла тут же успокоила себя другой мыслью – о том, что Виктор вовсе не похож на малолетнего Ромена, изгнанного за пределы дворца братом. К тому же, брата у короля нет, а все пять сестер умерли в разных возрастах. Самую старшую, здоровую и крепкую Луизу, хотели выдать замуж за аранийского короля, однако она заболела лихорадкой и сгорела, как свечка, буквально за неделю. После той трагедии отношения между Аранией и Фиаломом, в котором раньше Талнор и Эртвест торговали с ней, как граничащие части Фиалама, имеющие доступ через море, отношения между странами стали куда более напряженные. Аранию все меньше манили западные мануфактуры фарфора и текстиля, однако от северных меха, воска и пеньки аранийский король Эрих Десятый отказываться вовсе не спешил.

Так что, торговая политика между странами еще не разрушена, и Виктор надеялся воспользоваться отпущенным Фиаламу мирным временем, чтобы укрепить политику внутреннюю. А как заниматься этим, когда украли королевский кинжал и все вверх дном, да еще от них требуется не потерять самообладания?

Думать об этом можно было бесконечно, однако едва войдя в свои покои, Камилла Моранси почувствовала страшную усталость. Глаза слипались, ноги подкашивались, должно быть, от избытка нахлынувших на нее противоречивых чувств, однако она заставила себя потерпеть еще немного. Камеристки подготовили для нее мягкую белоснежную постель, заранее нагретую, развязали корсет праздничного черно-золотистого платья, разобрали тяжелые локоны и не расчесали их перед сном, чтобы заплести в толстую косу.

Темный цвет волос достался Камилле от отца, как и смуглость кожи, голубые глаза и добрая улыбка – от матери. Так сложилось, что родителям Творец не послал других детей, так что единственную дочь они любили и опекали как могли, стараясь при этом не избаловать и не сделать зависимой от других людей. После ее пятнадцатилетия пошли разговоры о том, чтобы просватать ее за Хранителя Юга, как дочь его вассала, однако это не нашло одобрения других вассалов, потому что едва ли не каждый из них, кроме Бедилей, имел на него зуб, а покойный

отец Адиса Бедиль настолько разозлился на Аминана Анвара за отчаянные помехи в покушении на короля, что в гневе расторг его помолвку с Джан Бедиль. Только было все это тщетно. Заступился Аминан Анвар за прежнего короля перед родичами, когда самой Камилле было два года, а не забылось до сих пор, ведь некоторые южане слишком злопамятны. Так или иначе, а дочь южанина и северянки ждала куда более завидная судьба, нежели жизнь Хранительницы Юга – она стала королевой.

Вот только жаль едва ли не до боли, что большинство юных дворянок мечтает увидеть себя на ее месте – бедные наивные девушки не понимают, что кроется за королевской властью и насколько тяжелая ответственность лежит на плечах супруги монарха. Слава и почтение народа нельзя получить, но можно заслужить, а как быть, если она относится к южанам, попытавшимся убить монарха? Разумеется, тот давний случай замяли, никто из вассалов Аминана Анвара не отправился в тюремный замок Апимортен с тем, чтобы позже заслуженно сложить свою голову на плахе, а сама Камилла тогда едва увидела белый свет и вроде бы та грязная история не бросала на Инамов тень вообще. Только юная женщина на свою беду обладала излишней мнительностью и беспокоилась, что если начнется смутное для королевской четы время, ей припомнят эту хоть и незначительную, а все-таки принадлежность к предателям.

Ночь она спала весьма дурно, то проваливаясь в глубокий и тяжелый сон, прямо в объятия кошмаров, то лежа на спине с прерывистым дыханием и утирая пот со лба. Под утро Творец, кому она прерывистым шепотом посылала консилистские молитвы, смилоствовался и подарил королеве спокойный сладкий сон, из которого не хотелось возвращаться. Но утро наступило – значит, следовало открыть глаза и всем своим видом показать, что даже очень молодая королева способна держать себя в руках. «Пробудиться первым» – гласил гербовый девиз семьи Инам, и теперь его будет носить ее троюродный кузен, как и его потомки. А основная ветвь рода, увы, изжила себя.

Первой явилась самая примерная и расторопная камеристка, Сюзанна Лефевр. Обладательница рыжих кудрей, быстрых рук и бойкого языка сплетницы, она довольно поспешно расплела косу, расчесала волосы, но сегодня, как отметила Камилла, вела себя на редкость тихо. И это славно. Меньше всего она сейчас желала слушать досужие сплетни о вчерашнем происшествии.

– Какую прическу желает Ваше Величество?

– Высочество, – тихо молвила Камилла, успевшая как следует зазубрить все правила придворного этикета. – Самая простая придворная прическа. Вчера моя голова устала от излишеств.

– Вы являетесь королевой, – тепло заметила Сюзанна, – для всех нас и для народа... Достаточно забыть о седмице, через которую произойдет коронация.

На это Камилла ничего не смогла ответить, терзаемая сомнениями. Она часто перебрасывалась парой-тройкой ни к чему не обязывающих фраз с камеристками, исключительно из-за скуки и нехватки женского общества, поскольку молодых фрейлин, которые бы смогли развлекать королеву, во дворце еще не имелось, хотя предполагалось, что ко двору представят девушек из западных графских семей, Шелтон и Аллен. Но когда сему будет дозволено произойти? Придворные же дамы, пережившие умершую прошлой осенью матушку Виктора, королеву Монику Моранси, уроженку Талнора, казались или растолстевшими, забывшими о духовном

развитии сплетницами, или строгими, занудными, набожными. Кроме того, они не воспринимали Камиллу всерьез, считая ее забитой застенчивой южанкой, однако любой бы распознал в подобном объяснении простую отговорку, ведь пожилые люди частенько отвергают молодежь, делая это до того чванливо и гордо, что отталкиваемым крайне тяжело понять, что с ним может быть не так.

Ведь Камилла Моранси не могла быть виновной в том, что в северном Талноре власть мужчин над женщинами невесома, как крошечное птичье перышко в ладони, а в южном Эн-Мериде, сравнится разве что с тяжелой каменной глыбой. Свободолюбивая мать королевы вышла замуж за отца по огромной любви, но в их семье никогда не имелось тирании со стороны Гаэтано Инама. Он любил музыку северной лютни и был добр к жене и дочери, только это не значило, что других южных девиц не воспитывали в мучительно-давящей строгости.

Завтракала она сегодня в обществе короля, и это времяпровождение Камиллу не порадовало: то ли потому, что за окном посерело небо, и пошел проливной дождь, видимо, Творец решил оправдать название месяца Летних Дождей, то ли из-за понурого осунувшегося лица Виктора. Еще вчера ее коронованный супруг выглядел молодым и цветущим, но сегодня словно повзрослел на десять лет. В юношеском голубом взгляде застыла болезненная тревога, и Камилла снова почувствовала себя крайне неудобно.

– Вчера Хранитель Севера упомянул хорошую погоду, – наконец произнес упорно молчавший король надтреснутым голосом, когда с яичницей и хлебом с сыром было покончено. – Как говорится, Творец его услышал.

– В Эн-Мериде считается, – Камилла радостно ухватила за шанс приподнять мужу настроение, отвлекая от больной темы, – что лучше ливни, чем страшная духота перед грозами.

– Духота действительно неприятна, – согласился супруг и откинулся на спинку покрытого золотистой обивкой кресла. – Я слышал и про летнюю болезнь.

– Да, – пришлось невольно признать поникшей Камилле, – этот смертельный недуг распространен в наших краях, но я надеюсь, что зависит он не от дурной крови южан, а от местности.

– Может и так, – Виктор не смог или не захотел спорить, однако, кусая губы от беспокойства, стал постукивать длинными тонкими пальцами по столу темного дерева. – Я со вчерашнего вечера сам не свой, если быть честным с вами. И ночью мне явилась странная мысль, что нашим с вами сыновьям придется рано жениться и оставить своих сыновей, но связывать свои жизни они будут не с южанками. Не в обиду вам и вашему краю, но... – бледное лицо молодого короля порозовело от смущения и неприятности того, что ему предстояло сказать, – мой отец был не очень дальновиден в выборе.

– Возможно, он руководствовался личными принципами, – предположила немного задетая Камилла, принимая от слуги пирожное в виде фруктовой корзинки и ягодный отвар. – Но я уверена, что под присмотром королевских лекарей наши сыновья проживут долгие и счастливые жизни. Заражена летним недугом не кровь – заражен край.

– Остается на это надеяться, – тяжело вздохнул король. – Прошу простить меня, если невольно обидел вас, но я порой боюсь слишком многого и предпочитаю смотреть вперед.

После того, что случилось, я провел ночь в раздумьях и молитвах, а потом понял, что негоже монарху вести себя, как послушнику. Во дворце проведут обыски, приказ начальнику королевской стражи уже отдан.

– Надеюсь, это не скажется на доверии наших вассалов.

– Они достаточно умны, чтобы понять необходимость...

– Сударь, – Камилла удивилась собственной решимости, но нашла в себе силы выпрямиться и посмотреть расстроенному супругу в глаза, – мне важно, чтобы вы знали, что я, как подобает королеве, всегда буду на вашей стороне. Раз наши с вами судьбы связал Творец, значит нам обязательно следует держаться вместе и способствовать процветанию Фиалама, тем более, что обычно на стыке кватрионов нашу бедную страну колебали несчастья.

– Что и сказать, – с горечью откликнулся Виктор Моранси, – вы правы.

– Порой я впадаю в отчаяние, – призналась Камилла, не сдержав легкую грустную улыбку и устремив взгляд в сторону мутного стекла, о которое разбивалось с другой стороны множество мелких водяных капель, – когда вспоминаю, что должна сделать для своего народа, чтобы фиаламцы не страдали и не бедствовали. Так что я прекрасно понимаю ваши чувства.

– Благодарю вас, – с чувством ответил король, подивившись этой удивительной способности супруг говорить словно по-писаному. Должно быть, в библиотеке родового поместья Инам имеется немало романов, но сейчас это совсем неважно. – Вот только разрешите дать вам один совет, сударыня.

– Конечно, – на миг растерялась Камилла, почувствовав себя отчего-то маленькой и беззащитной.

– Скрывайте ваши душевные порывы и добродетель от придворной знати и духовенства, даже на исповедях. Имейте горячий ум и холодное сердце, моей покойной матери это очень помогало действовать наравне с отцом.

– Хорошо, – чуть подумав, отозвалась она, понимая, что совет дан ей просто великолепный, и что она обязательно станет ему следовать. – Я обязательно запомню эти слова.

Они еще долго беседовали этим мрачноватым утром – как о политике, так и об истории прежних кватрионов, а так же те времена, где каждые двести шестнадцать лет происходили хоть раз природные катаклизмы, военные конфликты, как внешние, так и внутренние, и прочие бедствия, вызванные, если верить сказаниям о некой Чаше. А может дело в периоде обращения в полтора кватриона, как знать? Но что, если дело все-таки в самой Чаше жизни и смерти? Впечатлительная и пылкая Камилла, будучи девочкой, случайно наткнулась в семейной библиотеке на старую книгу с пожелтевшими страницами и прочла одну легенду. Прошло около семи лет, а она четко помнила тот странный текст.

«Над землёй и горами, над небом и звёздами покоится золотая чаша. Хранитель Запада ковал её, хранитель Юга раздувал горн, хранитель Севера закалил её в холоде, хранитель Востока вытравил по ней тончайший узор. Вся кровь, все слезы и весь пот наполняют чашу, но настает час, когда чаша переполняется и переворачивается, и зло людские изливается на их

головы. Но проходит время смерти, горя и тяжких трудов, и вновь наполняется чаша. Одно неведомо людям: холод крови, жар слез, и редкость пота истончают чашу. Настанет срок, когда она рассыплется золотым прахом, и не будет у злодеев защиты от своего зла, а у добрых людей от зла чужого. Но четверо последних соберутся вместе, и сказаны будут четыре слова, и пробудятся братья, и будет открыта книга, и будет явлен...»

Историки, живущие в те времена, видели некие таблички, с которых и списали древний текст, однако последняя табличка отсутствовала. Была она потеряна или кем-нибудь украдена, неизвестно, да и какая разница, ведь это просто сказка! К тому же, ни к одной из четырех господствующих в Фиаламе религий эта легенда скорее всего не относилась – так думала прежде Камилла. Пока однажды не стала невольной свидетельницей кардинала с ныне покойным королем: Его Высокопреосвященство рассказывал старику о том, как яростно королевский священник Бенедикт относится к религии миританство.

Камилла ничего не знала об этой религии. Ее семья исповедовала фраминизм, религию варваров, как называли ее еще кватрион назад. Символизировала она то ли огненную пылкость, то ли кровавые жертвоприношения, а может все вместе, но сейчас фраминисты не поклонялись своему Творцу так же рьяно. После замужества Камилла была вынуждена принять западный консилизм, ведь Моранси пришли с запада, но смена религии вовсе не беспокоила ее теперь. Гораздо важнее узнать, куда пропал кинжал и как теперь поступать.

Решение, тем не менее, пришло довольно быстро.

– Виктор, – позвала она неловко мужа, который собрался встать из-за стола и отдать какие-то распоряжения, прежде чем заняться делами. По имени – как человека, которому доверяет и искренне хочет помочь.

– Да, Камилла? – от неожиданности он тоже забыл про этикет и посмотрел на нее с беспокойством и удивлением.

– Пусть меня коронуют раньше, чем через седмицу, – решительно произнесла она. – Тайно и без лишних свидетелей, вроде Хранителей с их вассалами. Придут только кардинал, королевский священник, и мои родители в качестве свидетелей. Когда вор захочет повториться, то жестоко ошибется и может попасться – конечно, если не будет огласки.

– Я не буду обещать, что это сработает, – медленно и задумчиво откликнулся король Фиалама, постукивая пальцами по обивке кресла, – особенно, если он, она или они уже ускользнули из города. Однако мне нравится ход ваших мыслей, сударыня. Остается только надеяться, что Его Высокопреосвященство не станет упорствовать против этого и настаивать на формальностях.

– Благодарю вас, – тихо сказала Камилла, с почтением склонив голову.

Таким чудесным образом поводы для тревоги отпали у нее сами собой: король проследил за тем, чтобы комнаты приезжих на коронацию дворян были тщательным образом осмотрены гвардейцами, а так же переговорил с кардиналом. Его Высокопреосвященство Орани подумал как следует, счел, что Камилла Моранси приняла довольно мудрое для молодой правительницы решение, и коронацию провели в тайне от нежелательных свидетелей, в том числе и без ведома Хранителей. Склоненной головы Камиллы Моранси коснулась золотая корона, все документы

оказались правильно составлены и подписаны – и таким образом слова камеристки Сюзанны оказались пророческими. «Сила и чистота» было написано в ее новом девизе, принадлежавшем семье Моранси, и теперь ей оставалось поддерживать устоявшиеся слова, не опорочив их и не уронив чести перед всей страной.

Одно обстоятельство омрачало светлую радость королевы – кинжал ее супруга так и не был найден ни в прошедшие три дня, ни после них.

Глава 5. Грета Ларсон

Грета достала ключ, отомкнула ящик с деньгами и погрузилась в денежные расчеты. Еще недели две назад она сбивалась с ног, но нарадоваться не могла на хорошую выручку. Грета считывала после коронации, когда наступит затишье, обновить здание трактира, загодя починить крышу, сменить кое-что из мебели, а заодно закупить бочонок-другой хорошего вина, чтобы было что подавать на господский стол. И служанку еще одну можно было нанять, сама-то уже не справляется, и башмаки себе новые справить, и шаль поярче.

Где тут рыбу ловить, хоть бы сеть не упустить.

Сначала все и вправду было гладко: по случаю праздников в столицу съехался чуть не весь Фиалам, а потом у короля украли не то меч, не то нож, и полетело все в яму. Праздники отменили, и те, кто приехал ради них, поскорее расплатились и отправились по домам. Грета только вздыхала из-за упущенных прибылей – пока не начались убытки.

В столице вдруг оказалась толпа народу, которым уезжать запрещено, а жить как-то надо. Они и жили: ели вкусно, пили сладко, платили щедро – расписками. Самой Грете приходилось платить за провизию чистоганом, да еще и, по случаю праздников, втридорога. Неудивительно, что деньги в сундуке таяли, как снег по весне. Какая там шаль, какая крыша, не влезть бы самой в долги.

С этими невеселыми мыслями Грета считала монеты, небольшую выручку за день, отделяя крупные от мелких, и тосковала по прежним временам, когда денег было так много, что приходилось просить о помощи Жака, подобранного на улице восьмилетнего сироту. Теперь у Жака занятий, связанных с деньгами не имелось, а остальные задания он уже выполнил. Только и оставалось, что гладить радостно мурчащего Матти, лежавшего у мальчика на коленях.

Кота, как и мальчугана, Грета подобрала и иногда удивлялась, до чего они смахивают друг на друга, и по нраву, и на взгляд. И Жак, и Матти были бойкие, смышленные, ласковые, но при всем при том совершенно не вороватые. Внешне они тоже изрядно походили друг на друга: Жак, как она его ни подкармливала, оставался тщедушным, как воробушек, и выглядел лет на шесть, не больше, а Матти, хотя и взрослый кот, так и не набрал вес, и было в нем не больше четырех пондов.

Грета сложила деньги в два кошелька, спрятала в карманы передника и сказала:

– Вот что, Жак, сходи-ка к лейтенанту Тейту, скажи, пускай спускается, нечего ему сидеть, как сова в дупле.

Матти тут же проснулся, скатился с колен Жака и сел на скамейку, обернув лапы хвостом и выжидающе глядя на дверь.

– Умный какой, все понимает! – засмеялся Жак.

– Иди, зови, говорю! – беззлобно прикрикнула Грета.

– Уже бегу, хозяйюшка! – ответил Жак и выскочил из комнаты.

Лейтенант Тейт, его имени, пока еще, Грета не знала, то ли был чем-нибудь постоянно занят, то ли просто не любил находиться среди толпы. Но сейчас внизу никого не было, за исключением пары полупьяных солдат в углу комнаты, и к тому же ей хотелось поговорить с кем-нибудь. А этот вежливый молодой человек, предпочитавший не привлекать лишнего внимания, производил хорошее впечатление. За свою жизнь Грета чего только не видела, с кем только не общалась, и понимала, что лейтенант – человек неплохой. Только излишне скромный.

А Жак прав, Матти и правда все понимает. Умник мохнатый. На душе у Греты потеплело, она погладила кота по спине, и тот довольно заурчал, а потом, когда по лестнице раздались неторопливые шаги, выжидающе посмотрел на дверь снова.

Ухватив запротестовавшего Матти одной рукой под грудь, а другой за шкуру, Грета усадила его на скамейку и встала. Матти с негромким стуком соскочил на пол и побежал за ней. Грета, стараясь не наступить коту на лапу, подошла к пустому столику и начала обмахивать его чистой тряпкой, хотя ни крошек, ни пыли, ни потеков там давно не было.

– Милости просим, сударь, проходите, откушайте, – частил тем временем Жак. – Мяса вам угодно, вина или еще чего, так подадут, скажите только.

– Да я как-то... у меня и денег немного, – отнекивался лейтенант.

– Так что ж, что немного? Голодным сидеть? Вы, господин хороший, нынче ничего не съели! – видя, что Жак не находится, что ответить, Грета сама пошла в бой. – Потом станут говорить, что у Греты постояльцы голодные.

– Ну, хорошо, хорошо, – смутился лейтенант. – Я и вправду проголодался. Только мне бы чего попроще.

– Да все, что попроще, наверное, уже и приели, – засмеялась Грета. – Жак, что ты тут ноги простаиваешь. А ну бегом к Лизель, скажи, пусть накроет, что есть хорошего.

Молодой человек при этом еще сильнее смутился, но за стол сел, явно не желая расстраивать резким отказом хозяйку. Видимо, ел по-человечески в последний раз он очень давно и поэтому так застеснялся, но Грета была настроена решительно. А Матти, увидев, что гость пришел, сразу же спрыгнул со скамейки, неспешно прошел, тихо ступая мягкими лапами по дощатому полу, и залез к Тейту на колени.

– Ой... – при виде мохнатого обитателя трактира, лейтенант не удержался от легкой улыбки и погладил пушистую спинку. – Как его зовут?

– Матти, – с достоинством ответила Грета. – А вас?

Она не хотела так резко знакомиться, это вышло само собой, но в этот раз молодой человек смущаться не стал.

– Шон Тейт, – с готовностью ответил он.

Матти протяжно мяукнул.

– И мне тоже очень приятно, – молодой человек стал чесать кота за ухом.

Кот с готовностью замурлыкал.

– Я смотрю, вы ему понравились, неано Шон, – заметила Грета.

– Да какой из меня неано? – улыбка сошла с лица молодого лейтенанта, и он заметно нахмурился.

– Ну как какой... – смутилась Грета, чувствуя, что говорит не то. – Я же вижу, что вы человек благородный, ученый.

– Знаете, что... – начал Тейт, но тут подошла Лизель и выставила перед лейтенантом большое блюдо, на котором аппетитно раскинулась яичница и истекали жиром две поджаренные колбаски. Стрельнув глазами в Тейта, девушка поставила рядом большую кружку с пивом и с улыбочкой протянула:

– А еще у нас брошки есть. Угодно?

– Какие брошки? – недоуменно спросил Шон, спуская кота с колен.

– Бриоши, а не брошки, дуреха, сколько раз тебя учить, – сказала Грета. – Угодно вам бриоши, неано?

– Нет, не нужно, я и так буду сыт, – сказал Альберт и аккуратно спустил с колен Матти.

Лизель разочарованно хмыкнула и, подкинув коленом юбку, пошла на кухню. Матти, как ни странно, не последовал за ней, а подождал, пока лейтенант примется за еду, и после этого веско мяукнул. Шон

– Тоже хочешь? – Шон добродушно улыбнулся и, отщипнув кусочек колбасы, оделил кота. Тот заурчал, схватил его в зубы и светлой молнией ускользнул прочь.

– Ишь, умник, – Грета улыбнулась. Кажется, лейтенант был славным человеком: Матти редко подходил к неприятным, недоброжелательным посетителям и уж вовсе никогда не просил у них подачку. А еще он чуял пьяных и никогда к ним не подходил, даже если тем накрывали по-господски.

– Вы не одобряете, что я кормлю кота со стола? – уточнил вдруг лейтенант. – Но он так на меня смотрел, что у меня кусок в горло не пошел бы.

Грета рассмеялась в голос.

– Веселый вы человек, неано.

– Веселиться как раз и не с чего, – вдруг посерьезнел лейтенант. – Сами знаете, какие дела в городе творятся.

– Да я-то как раз и ничего не знаю, – пожала плечами Грета. – У меня ж две дороги – на рынок за провизией и в церковь.

– А что, на рынке еще ничего не говорят? – уточнил Шон с опаской.

– То-то и оно, что говорят, – Грета чуть было не присела к лейтенанту за стол, но тут же спохватилась и чуть склонила голову. – Кто говорит, короля обокрали вельможи, кто говорит, вельмож слуги обокрали, кто еще что говорит. Разве же тут дознаешься до правды?

– Не дознаешься, – кивнул Шон. – Солдаты тоже болтают, не хуже торговков. Офицеры – и те говорят.

– Скучно потому что, надо ж чем-то заняться. А что говорят? – спросила Грета.

Шон Тейт ненадолго задумался, припоминая. Болтали и впрямь разное: его солдаты одно, солдаты сводного братца – другое. Так или иначе, а, правда здесь одна, и, к счастью, утверждающих то, что ограбили короля, большинство. И это его люди. Будучи человеком, привыкшим проверять сплетни, а не верить на слово первому встречному, Шон был уверен в своей правоте сейчас.

– Говорят, что украли королевскую вещь. Кто-то настолько осмелился... Странно то, что не всякий ведь вхож во дворец, а высшая знать не пошла бы на такое.

– Ой, не знаю, – развела руками собеседница, – всякое может быть. Мало ли какие замыслы у знати.

– Я тоже не знаю, какие у знати замыслы, – заметил Тейт, откладывая нож, который тихо звякнул о блюдо. – И не очень уверен, что хочу знать. Конечно, это могло бы дать ключ к разгадке преступления, но... его ведь расследую не я.

– Боитесь, неано? – спросила трактирщица с откровенной насмешкой.

– Боюсь, – кивнул Тейт и отпил пива.

– Смелый же вы человек, – продолжила женщина.

– Шутите? – нахмурился Тейт.

– Да нет, без шуток говорю. Сколько я ребят знала вроде вас: как в битву идти – бледные, а как начнется самая заваруха, так откуда что берется. И всегда они перед боем говорят, что боятся.

Шон Тейт с удивлением уставился на хозяйку. Она говорила о боях с таким знанием дела, словно была на войне. А по виду – трактирщица как трактирщица: крепкая, круглолицая, румяная, из-под белого чепца полуседая прядь виднеется.

Хотя кто знает, кто что под одеждой носит? У Шона свои тайны, у хозяйки Греты свои.

Он был очень далек от высшего дворянства, хоть и несколько лет назад проживал в родовом поместье Холтов, сам при этом Холтом не являясь. Родился Шон Тейт через три месяца после свадьбы его матери с графом Льюисом, поэтому не имел никакого права на наследование. Разве есть права у бастарда, рожденного безродной северянкой от неизвестного лица? Придерживаясь этого мнения, неано Льюис подчеркивал то, что Генри, сводный братец Шона, его законный сын и наследник. Достигнув возраста неполных семнадцати лет, он вынужден был покинуть дом.

О, Шон вспоминал те дни со смешанным чувством боли и горького сарказма! Подлый Генри снова спровоцировал драку, а когда Шону удалось удержать себя в руках и не ответить на это, поговорил о чем-то со своим отцом. Потом матушка молча глотала слезы и кивала в ответ на слова, что ее сыну не мешает получить образование, и вот, он, без родового имени и титула, отправился в университет на границе Эртвеста. Но и там ему не суждено было провести много времени: еще перед экзаменом юноша подрался с кем-то более знатным, чьи происхождение и связи едва ли уступали связям Генри. В результате пришлось тратить выданные отчимом деньги на офицерский патент, и об этом юноша не пожалел ни разу.

Шон не горел желанием расспрашивать свою хозяйку о ее прошлом: ведь и она могла пожелать узнать о своем постояльце побольше, и была бы в своем праве. Однако с этого вечера он больше не прятался в своей комнате и зачастил вниз, хотя и выбирал время, когда прочие постояльцы расходились: об этом его регулярно оповещал Жак.

Шону нравилось болтать о том о сем с Гретой, оделять Жака крашеными леденцами, чесать Матти, который облюбовал его колени в качестве подушки и иногда безмятежно на них засыпал.

Раз или два Грета предлагала ему жаворонков, пирожные и закуски от господского стола, но Шон отказывался – вежливо, однако категорично. Когда она пообещала не брать с него денег за эти лакомства, Шон посмеялся и наплел что-то насчет солдатской жизни и нежелания себя излишне нежить. Грета поняла и одобрила. Наверное, она все-таки имела непосредственное отношение к армии, может быть, была женой или дочерью военного, только правды все равно не поняла.

Шон просто не хотел питаться чужими объедками: это он мог делать и в родовом поместье Холтов, если бы когда-нибудь вздумалось вернуться.

Прожив почти две недели в Вете, Шон Тейт скромно отметил двадцатилетие и чувствовал себя почти привыкшим к этому шумному многолюдному и одновременно таинственному городу, а когда рядом находились земляки из Эртвеста, юноша и вовсе переставал унывать. Похитителя королевской вещи продолжали искать, поиски оказались тщетными, и потому все, кто был вынужденно задержан здесь, начинали тосковать от долгого нахождения на одном месте. Этот ленивый и вялый застой предсказывал крупную бурю, и очень скоро Шон понял, что ему не зря так казалось.

Шел шестой день месяца Осеннего Тепла, безмятежность погоды радовала глаз и душу, листья на деревьях слегка тронула позолота, и, казалось, что все живут в безмятежности и покое. Все. Кроме самых нетерпеливых вассалов от некоторых Великих Домов.

В тот день – или это уже был ранний вечер – Шон спустился в общую залу не так поздно, как обычно: его потянуло не столько к обществу, сколько в толпу, которой, впрочем, в трактире не было. В одном углу деловито ели несколько горожан в добротной одежде, в другом судачили между собой несколько девиц, наряженных небогато, но ярко, и тем выдавая свой не слишком благовидный род занятий.

Посредине, за господским столом сидели несколько молодых людей, темноволосых, скуластых, в красной одежде с черной оторочкой.

То, что они родом из Донгмина, Шон догадался, а вот к какому роду принадлежали юноши, так и не смог вспомнить. А ведь учил когда-то геральдику, и хорошо учил. Прав был наставник – память умнее рассудка и выбрасывает то, что уже не понадобится.

До Шона долетали обрывки фраз:

– И, представьте себе, что сказал этот господин из Эртвеста, он заявил, будто на Востоке... – юноша понизил голос, а Шон не старался вслушиваться – не настолько же он еще потерял понятия о чести и хорошем воспитании.

– Пфф, – сказал собеседник, выслушав друга, а может, родича, – я знал, что на западе мало знают, что такое послушание и самопожертвование, но то, что вы говорите, означает, что они вообще непроходимо глупы.

– О да, – и донгминец отпустил какую-то остроту, не очень понятную издали.

– Вы, кажется, говорили о моих родичах, – голос был звонкий, еще полудетский, но очень ясный, так что все обернулись на него.

От еще одного стола поднимался молодой человек, русский, не очень высокий, одетый в зеленое. Откуда-то Шон вспомнил, что зеленый – это цвет Бедилей, но на эн-меридца молодой человек совершенно не походил. Да и к тому же, у Бедилей, как вспомнил он мгновением позже, зеленое животное, а не фон на гербе. Но, впрочем, сейчас ему было совсем не до геральдики. Настроение слегка испортилось от обиды за свой край, а присоединяться к возмущенному юноше Шон не стал: не хотел наживать себе неприятностей. Слишком многое он усвоил, когда был выставлен за ворота университета.

– Да, – невозмутимо подтвердил собеседник молодого донгминца, мужчина примерно тридцати лет, – вы не ошиблись.

– Я требую извинений! Неано Фрэнсис узнает об этом, если вы не возьмете свои слова назад! – отчеканил вассал Запада.

Точно вассал! Теперь Шон узнал его.

– Надо полагать, неано Фрэнсису нравится, что его именем прикрывается каждый мальчишка? – спросил молодой донгминец. – Это его не красит. Хотя... чего еще ждать от эртвестцев?

– То, что ты сейчас говоришь, не красит тебя, – с упреком сказал старший донгминец. – Я прошу у вас прощения, молодой человек, за последние слова моего брата, но только за них. Что же касается предыдущей нашей беседы, можете поведать о ней неано Фрэнсису. Только будьте осторожны, вряд ли он одобрит вашу склонность вмешиваться в чужие разговоры.

Шон поймал себя на том, что затаил дыхание и пристально следит за происходящим. Между тем эртвестец подошел к столу, взял недопитый бокал вина и выплеснул прямо на голову младшему донгминцу.

– Когда вам угодно будет назначить время и место? – спросил он.

– Завтра утром, на городской окраине, неподалеку от храма Святой Саманты. Благо теперь нам всем разрешено покидать дворец.

Шон облегченно вздохнул. Если запрет на оставление дворца для дворян отменен, значит, совсем скоро преступника поймают, уже, возможно, напали на его след. Можно будет покинуть столицу и ехать к границам, отделяющим Эртвест от Арании.

Молодой человек с Запада гордо вскинул голову и покинул трактир, а к донгминцам уже спешил Жак с белой тряпицей на вытянутых руках.

– Угодно вытереться? Вас проводить в купальню? Желаете особых масел?

– Нет, просто проводи меня куда-нибудь и подай таз для умывания, – приказал донгминец, принял у Жака полотенно и стал утирать лицо. – Брат, я приду, когда приведу себя в порядок.

– Я буду ждать тебя в экипаже, – старший донгминец выложил на стол несколько монет и бумажку-расписку.

Подошла Грета, встревоженная, покрасневшая, с выбившейся прядкой.

– Господа, господа, – торопливо заговорила она, – я только прошу вас, у нас приличное заведение, не надо устраивать драк.

– Не волнуйтесь, – небрежно, с ноткой высокомерия произнес старший через плечо.

Что же поделать, Восток и Запад редко ладили с тех пор, как... Да если вспомнить прочитанное Шоном, то едва ли не с сотворения мира, несмотря даже на нейтральные торговые отношения. Он усмехнулся, хотя едва ли было над чем, посмотрел на Жака и младшего донгминца, уже почти покинувших зал, затем на растерянную Грету. Женщина покачала головой и коротко вздохнула.

– Что поделать, молодые дворяне заперты в городе и им совершенно нечего делать.

Кажется, его слова ничуть ее не успокоили.

– Не люблю я, когда люди за просто так погибают, – ответила она и снова вздохнула, затеребив передник. – Особенно если молодые. Может, пойти, разнять их?

Шон с досадой покачал головой:

– Это дуэль, а не мальчишеская драка за кусок сладкого пирога. К сожалению, законы чести не позволяют в нее вмешиваться.

– Ох, эта честь! – Грета так дернула ни в чем не повинный передник, что оторвала оборку, с досадой поморщилась, но тут же переменилась в лице.

– Куда пошел! – рявкнула она. – Думает, на него никто не смотрит! А ну стой!

Охранник успел преградить дорогу посетителю, который решил, пока все заняты другим, сбежать, не заплатив, и быстро объяснил ему, что делать так совершенно не следует. Кто-то позвал хозяйку и потребовал еще пива, и на самого Шона никто не обращал внимания.

Он пошел к свободному столу, сел и стал ждать, когда и его обслужат. Есть не очень хотелось, много думалось о молодом человеке с Запада. Отчего-то хотелось прийти на ту дуэль, следующим утром, затаится где-нибудь, и, если юноша будет тяжело ранен, помочь его секундантам. Пусть такие вещи совсем и не приветствуются, Шон сам себе не смог объяснить такой заботы о знатном земляке, но в результате твердо решил, что лучше отправить неано Фрэнсису анонимную записку

Ночь прошла для него в полусне, смутном и тревожном, однако обрывки тех снов, что привиделись ему, забылись наутро. Записка была отправлена, и ему с теплотой на душе хотелось верить, что с погорячившимся малолетним юношей все будет хорошо.

Глава 6. Ирвин Силиван

Служанка дотронулась до пунцовых бархатных штор, но Ирвин сухо приказал:

– Оставь их поднятыми и ступай.

– Да, господин граф, – ответила женщина и, быстро поклонившись, вышла из гостиной.

– Ты уверен, что не стоит их опустить? – спросила его жена, не поднимаясь с кресла. – Окна широкие и светлые.

– Уверен, – ответил он, садясь рядом, на хозяйское место. – Пусть за нами подсматривают, если хотят, честным людям нечего скрывать.

– Честным людям, – повторила графиня Вен и поджала губы. В последнее время за ней завелась эта привычка, которая весьма раздражала графа.

– Ты делаешься брюзгой, – заметил он.

– Когда попугай женился на вороне, он выучился каркать, – отрезала графиня, и ее супругу расхотелось продолжать разговор.

Тем более в гостиную уже входила их невестка Джан, уже стареющая, но все еще красивая южанка. Она, как полагается, поприветствовала свекра и свекровь и заняла свой стул, расположенный у столика, на котором стояли кувшин медовой воды и блюдо с печеньем – невзыскательное угощение, предназначенное не для еды, а для того, чтобы создать видимость обычной семейной встречи. То же самое размещалось перед Ирвином с Джан.

За матерью последовал Гай, единственный внук Ирвина, на котором сосредотачивались тайные чаяния графа. Невысокий тихий юнец пятнадцати лет поклонился присутствующим и сел на скамеечку неподалеку от матери. Он всегда соблюдал правила приличия, не заговаривал со старшими первым и беспрекословно слушался, но, как надеялся Ирвин, был себе на уме.

Больше всего сейчас Ирвину хотелось нахмуриться или поджать губы, как любить это делать старая жена, но у того, кто ведет за собой остальных, просто нет права опускать руки. Если не удастся сделать внука королем-регентом Фиалама до конца кватриона, это, конечно, неприятность крупная, но и когда закончатся беды мира, в начале нового кватриона, вполне можно будет осуществить общий замысел. Четыре крови могут слиться в одном ребенке, на будущее рождение которого Ирвин неустанно надеялся, и в новой эпохе, когда все беды и горести отхлынут, как нетерпеливые волны южных морей.

Успокаивать себя таким образом можно было долго, но если не так – то как?

Молчание могло протянуться сколько угодно: у Вен он вырвал обещание не насмехаться над его планами и не осуждать их, а сказать что-то иное она не могла; Джан робела при свекре, да и при муже тоже, а к идее четырех кровей относилась с опаской, а Гай... уж у него, верно, было что сказать, недаром он сидит так беспокойно и вертится на одном месте.

Ирвин оглядел гостиную, откашлялся, одновременно призывая внука к порядку и прочищая старое горло, и наконец, заговорил:

– Итак, вы знаете, зачем мы все здесь собрались. Кватрион близится к концу. Нам пора приступить к свершению нашего замысла.

– Твоего замысла, Ирвин, – сухо сказала жена.

– Я просил тебя... – начал граф.

– А я не смеюсь над тобой и не осуждаю, я просто говорю, что все это исключительно твоя затея, а не моя и не чья-либо еще.

Затея действительно принадлежала Ирвину, но сомневаться он не хотел и не любил. Любую идею можно назвать безумной, если бояться последствий и дрожать, постоянно озираясь по сторонам, но за свою долгую жизнь граф сумел претворить в жизнь немало рискованных замыслов, причем ни один еще не сработал в обратную сторону. Он отвернулся от жены, расправил плечи и посмотрел на внука с гордостью. Вот – достойный потомок семьи Силиван! Сыновей у Ирвина было двое, больше детей граф не смог позволить себе по причине ограниченности семейных средств, ведь еще отец Ирвина был беден, как церковная мышь... Конечно, сухие хлебные корки графы не грызли, но и на роскошь им явно недоставало. Разве что на портреты в галерее...

Два сына, один из которых не вышел лицом, а второй характером. И у последнего появился свой сын, из-за спеси Джан, не пожелавшей рожать больше детей нелюбимому супругу, всего один, но Ирвин верил в него, как ни в кого другого. Сегодня нужно сказать внуку о том, что от него ждет семья.

– Гай, – заговорил Ирвин, и мальчик поднялся с места, – до конца кватриона ты должен жениться. На девице, в чьих жилах течет кровь севера, – добавил он.

– Жениться? – внук как будто был обескуражен. – Но ведь...

– В ближайшее время я познакомлю тебя поближе с несколькими северянками, а ты к ним присмотришься и выберешь ту, что сочтешь наиболее приятной. Мы, разумеется, постараемся, чтобы любая из них была для тебя подходящей партией.

– Подходящая... приятная... – глухо повторила Джан. – Неужели в этом семействе никто никогда не сможет жениться или выйти замуж по любви?

– Дорогая невестка, когда потребуется, к тебе обратятся, – с нажимом заметил Ирвин.

Джан переплела пальцы и опустила голову: не покорно, а скорее упрямо.

– И выбор ты должен сделать как можно скорее, – продолжал Ирвин. – Время не терпит. Ты хочешь о чем-то спросить?

Гай, получивший позволение, вскинулся на дедушку и выпалил:

– Почему время не терпит? Какая разница, когда я женюсь? Я ведь не умираю, правда, же?

– Ты очень глупо шутишь и задаешь слишком много вопросов, но если так хочешь, я отвечу кое на что. Тебе нужно жениться как можно раньше, чтобы твой сын, соединивший в себе четыре крови, родился до конца кватриона.

– Но... для чего? – упрямо спросил Дин.

Ирвин усмехнулся, призадумался, но наконец, горделиво ответил:

– Чтобы править!

То, что править будет Гай только до взросления его сына, разумеется, пока нужно умолчать, но если у внука чересчур пытливый ум, то он скоро догадается об этом сам. Тем лучше. К счастью, Гай не унаследовал материнскую спесь и бабкину язвительность, Ирвину даже хотелось верить, что он пошел в него характером, но лгать себе граф Силиван не любил.

Идея о правителе четырех кровей возникла у него еще в молодости, когда по настоянию отца Ирвин женился на малознатной девице из Донгмина – потому-то и настоял, чтобы старший сын Деметрий женился на южанке.

Обе женщины, словно сговорившись, хотя, судя по всему, терпеть друг друга не могли, посмотрели на Ирвина с одинаково-колючим осуждением, но каждая промолчала. Гай же смутился и поник, размышляя. Вряд ли его привели в восторг слова о правлении, и неудивительно, ведь быть королем – труднее, чем графом.

– Править Фиаламом? – переспросил внук, подняв настороженный взгляд. – Но как же так, ведь королевская династия сменилась лишь кватрион назад и так не должно повторяться каждый раз.

Ирвин внимательно посмотрел на внука. Жена не верит, невестка боится, сын считает, что у Силиванов есть более основательные и надежные пути к процветанию, а теперь, значит, и Гай решил пререкаться.

– Ты еще мальчишка, и не тебе судить, что должно, а что не должно повторяться, – сказал он, когда совладал с подступающим гневом.

Гай нахмурился.

– Дедушка, о чем вы? То, что вы говорите, похоже на государственную измену...

Вен издала короткий злой смешок. Джан сдавленно охнула.

– Государственная измена, говоришь? Ну что ж, ступай, сообщи куда следует, погуби свою семью, если тебе это угодно. Я слышал, один молодой человек лет пятнадцать назад тоже решил...

– Не смейте! – охнула мать Гая. Еще бы, посмели указать на грехи бывшего женишка, да еще и Южного Хранителя.

– Джан, перестань, – поспешно осадил невестку граф. – Так вот, Гай, прекращай эти придирки. Ты женишься на северянке, это решено.

– Сестры Эртон тоже северянки... по матери... – начал Гай и вдруг смешался.

Влюблен он, что ли, в одну из герцогских дочек? Этого только не доставало.

– Нам нужна настоящая северянка, а не какая-то там помесь, – объявил он. – И хватит об этом. Сядь и слушай, что тебе говорят.

Гай сел, сложив руки перед собой и глядя все так же угрюмо. Джан погладила его по плечу, а затем подняла глаза на графа.

– Но ведь, если семейство Силиван сможет породниться с герцогской дочерью, это усилит его влияние несравненно больше, чем если бы...

– Помолчи, Джан. Дело не в политическом влиянии, – ответил Ирвин и снова улыбнулся. – Дело в крови и Миритах, – торжественно закончил он.

Возвыситься ему самому уже не удастся, слишком стар и слишком мало в нем древней крови, а вот в том, кто родится, будет ее излишек. Главное, чтобы древняя магия не пошла против своего представителя и чтобы Гай оказался достаточно разумным для этого. Богатства графам Силиванам не добиться, но найти величие путем смешения четырех кровей – нет ничего лучше, а потому Ирвин уже давно не стремился разбогатеть.

В гостиной повисла гулкая тишина, все присутствующие переглядывались. Сплета крепко пальцы, Джан умоляюще посмотрела на свекровь, и этого оказалось достаточно, чтобы Ирвин отвернулся от женщин. Сколько можно бояться?! Бросив пытливый взгляд на молчаливого внука, старый граф хотел спросить, что он думает, но прервался на полуслове. Пусть сам решает. Однажды он уже решил все за сыновей и те выросли послушными остолопами, умеющими лишь расшаркиваться во дворце и молиться перед иконами. Кто на что горазд... А Гай должен выбрать то, за что он собирается бороться.

Прошло, наверное, немало времени, во всяком случае, настенные часы тикали слишком долго, мерзко и громко, прежде чем с уст единственного внука сорвались спасительные слова:

– Я согласен.

Видя, что внук его не подвел, Ирвин уже хотел сдержанно улыбнуться и сказать что-нибудь ободряющее, но тут невестка встала с места.

– Гай, тебе лучше отказаться от этого как можно раньше, – сказала она. – Я твоя мать, и я приказываю тебе...

– Я глава семьи, и я приказываю ему согласиться и действовать в интересах рода, – ответил Ирвин и тоже поднялся.

Как же не вовремя невестке пришло на ум закусить удила. Это бывало редко, но всегда некстати, а сегодня – особенно, но нельзя теряться. Ирвин внимательно посмотрел на Джан. Она же не опустила глаза, только дернула головой, как сердитая лошадь, и плотно сжала губы.

– Делайте, что хотите, только потом не пожалейте, – сказала она. – Гай, сынок, если ты поймешь, что ошибся в выборе, я буду с тобой, так и знай.

Гай опустил глаза и слегка разомкнул губы. Этого еще не хватало, внук и так не слишком уверен в своем решении, а мать пытается его окончательно разубедить; нужно научить мальчишку думать собственной головой, но не чужими мыслями. Хорошо бы он еще при этом не вздумал выдать семью королю, но последствия зависят уже не от Гая.

– Пусть выбирает сам, – отрезал Ирвин, – хватит на него давить.

– Именно, хватит, – ответила Джан. – Гай, ты знаешь, где можно меня найти.

И спокойно, ровным шагом, вскинув голову и опустив руки, прямые и крепкие, как палки, Джан Силиван вышла за дверь. Гай же мгновенно вскинулся, но не встал и из комнаты не вышел, а тонкие брови внука сошлись на переносице, почти как у бабки. Нет в нем ничего ни материнского, ни отцовского, кроме крови, и Ирвина согрела изнутри тщеславная гордость.

– Вернись на место, мы не договорили, – сказал он почти дружески.

Гай расправил плечи, выпрямился, прислонившись к спинке стула и приняв спокойный вид. Он умел оставаться хладнокровным, даже если глаза лихорадочно блестели, но будет очень неплохо, если в будущем внук научится сдерживать себя еще лучше. В этот раз Ирвин не сказал ни слова, лишь окинул тоскливым взглядом комнату и подумал, что если не удастся исполнить замысел, значит, он жил и делал нужные для появления на свет ребенка четырех кровей зря.

Миританство – вот настоящая религия, которой граф Силиван был верен на протяжении всей жизни, но никто его не поддержал, даже жена, привезшая с собой из Донгмина томик учения Рина. Что уж говорить о младшем сыне, ставшим консилистким священником, забыть бы навсегда сыновние белые волосы и красные глаза... Впрочем, и не увидят. Во что веровал Деметрий, кроме самого себя, обиженного жизнью и непонятого остальными, по его скромному мнению, не имела понятия даже Вен. Джан была потеряна в своей южной вере, а Гай слишком мягкотел, чтобы выбрать религию по душе.

– Я же сказал, – уже с гораздо большим энтузиазмом произнес Гай, посмотрев на деда в упор, – я согласен.

– Вот и отлично, – благосклонно кивнул Ирвин. – И постарайся впредь не забывать, что у тебя есть не только твои желания, но и долг перед семьей.

– Я не забуду, – ответил Гай. – Могу ли я уйти?

– Что ж, ступай, если хочешь. Но если ты собираешься говорить с матерью, лучше повремени, – сказал Ирвин.

– Почему? – Гай поднял голову и слегка прищурился.

– Потому что я тебе так приказал, – резко сказал граф Силиван. – Хватит об этом. Ты собирався идти, так иди. И будь добр – больше не поучай старших.

– Как скажете, – голос у Гая не то чтобы дрогнул, но и ровным не остался, а брови сошлись в одну линию. Он отвернулся и медленно пошел к двери.

Внук ушел, а старый граф все смотрел на оставленный стул и думал. Мальчик оказался строптив, как сам Ирвин в его годы, но, кажется, и умом пошел в деда. Ему просто нужно немного времени, чтобы принять свою судьбу.

Молодому Ольсену Ирвин уже написал небольшое дружеское письмо, а между строк вплет намеки на возможность породниться, конечно, не упоминая ни четыре крови, ни старую веру, незачем его смущать. Чем меньше он будет знать, тем крепче будет его душевный покой. Тем легче в случае необходимости будет отказаться от этого союза.

– Ну что, доволен? – резкий голос жены иглой вонзился в ухо.

– Почти доволен, – сухо ответил Ирвин.

– А я нет, – заметила Вен. – Я знала, что ты сходишь с ума со своими миританскими идеями, но не думала, что все пойдет так далеко. Смотри поосторожнее: паук тоже искусно плел паутину, только птицы все равно ее изорвали, а паука склевали.

– Хватит. Мне надоело тебя слушать. И если ты выдашь очередное аллегорическое изречение... я просто спалю твоего Рина в камине.

– Я все равно помню его наизусть и смогу сделать список, – ответила Вен, разведя сухими руками и, словно бы издеваясь над супругом. – Я, пожалуй, тоже пойду.

Глава 7. Фрэнсис Эртон

Писать письма старый Хранитель Запада любил не особо, однако ему нередко приходилось делать это по долгу службы и семьи, и если он всегда служил с должным упорством, добившись звания генерала, то с семьей отношения были куда более сложными. Нет, его не коробили угрызения совести за измены супруге Хелене, но только ее смерть и гибель сына все еще тяготили герцога Эртона. Следовало написать кузену, с которым отношения в последнее время были натянутыми, о положении вещей, о том, что теперь на Эдварда Эртона ляжет весь груз управления Эртвестким замком, потому что дочери еще слишком юны, чтобы не натворить роковых ошибок. А потом надо и их тоже известить о вынужденной задержке, но он до последнего откладывал то, чтобы взять перо в руки.

Еще и Дин с утра пораньше куда-то делся, не спросив вчера разрешения. Ох уж эти мальчишки! Кажется теперь, спустя годы, что Джонатан Мейсон и то вел себя куда более дисциплинированно, а его сынок, не успев изучить большой город, как следует, отправился на поиски приключений, едва людям позволили покидать дворец. С одной стороны это славно, как решил вчера Фрэнсис Эртон, мальчишка не будет мешаться под ногами и забрасывать однообразными вопросами, с другой же – случись с ним что, герцогу лишняя забота. А в его преклонном возрасте, которым Фрэнсис весьма гордился, волноваться вредно, хотя, окажись он более молодым и взаперти, тоже взвыл бы с тоски.

Шла первая седмица месяца Осеннего Тепла, и отчего-то герцогу Эртому, сидевшему с чистым пером в руке и с тоской разглядывающему портрет супруги на фоне бело-зеленых драпировок, было невесело. Холодные тона его покоев внушали печаль, тревогу, раздражение, и с этим надо как-то справляться. Написать два длинных письма и отправляться на поиски неутомонного Дина Мейсона, главное, чтобы он не влип в какую-нибудь редчайшую глупость, граничащую с преступностью. С такими восторженными мальчишками обычно так и происходит.

Невольно нахлынули мысли о рожденном Гульдой Холт, в девичестве Тейт, бастарде. Его тоже следует найти, но это потом, позже... Подумать только, за последние годы в его распоряжении имелось столько свободного времени, за которое можно было съездить к вассалу, однако он, уверенный до самого получения траурного письма с черным сургучом, что с Арнольдом все будет хорошо и скоро можно ждать внуков, что совершенно не думал о трагических неожиданностях.

Зато теперь времени мало, и можно злиться на самого себя сколько угодно.

Почему мало, герцог Эртон не знал, но чувствовал, что в королевском дворце у него возникнет множество неотложных дел, поэтому и писал он кузену именно сейчас. А что будет потом, неведомо даже Творцу подчас, да и думать о том не возникало желания. Вздохнув, Фрэнсис пожалел об ускользнувших сквозь пальцы, подобно воде, молодости и зрелости, и продолжал письмо.

Несмотря на все заготовленные заранее высокопарные с претензией на дружелюбность фразы и витиеватые выражения, обратиться к завистнику Эдварду, не получилось, кроме как в сухой манере. Что поделать, бороться с собственной гордыней на старости лет Фрэнсис готов не был, а его отношение к брату ничуть не улучшилось, после того, как, участвуя в похорон-

ной процессии, провожавшей привезенное с войны тело Арнольда Эртона, всерьез предложил Фрэнсису женить своих сыновей на его дочерях.

Насколько же это было унижительно!

Что происходило потом, Фрэнсис помнил мало, но, кажется, он оттолкнул Эдварда и ускорил шаг, расправив плечи и выпрямив спину, а испуганные дочери в черных платьях побежали следом за ним. Позднее никто о том случае не разговаривал, а Эдвард даже прибыл в Эртвестский замок, дабы примириться, однако с тех пор отношения кузенов остались напряженными. И думать о браке дочерей с зазнавшимися троюродными братьями, которым их отец успел наобещать с три короба, совсем не хотелось. Вздохнув, Фрэнсис Эртон покачал седой головой, датировал письмо 6 днем месяца Осеннего Тепла, убрал в белоснежный конверт и запечатал. Сразу вспомнилась гербовая белая рысь на зеленом фоне, и отчего-то стало грустно. Столько лет прожито впустую, для себя, а о замке и славном роде Эртонов, если признать, заботился он чуть больше, чем Джанет Эртон в конце прошлого кватриона.

Этой замечательной девушке и народной героине Эртвеста было семнадцать лет, когда ее старший брат Герберт ушел на войну, в 135 году тринадцатого кватриона. Позвав с собой его молодую жену Элизабет и племянника, которому не было и шести, Джанет увела обоих из замка. Родители их на тот момент были уже мертвы, а мальчика имелась необходимость спрятать в надежном месте. Тяжелые были времена, когда страна после добровольной передачи короны последним Норманденом, Ромена, своему регенту, раскололась на две части. Запад и Юг радел за нового короля, Восток и Север же – за старого, удалившегося в монастырь. Началась гражданская война, но ее остановили женщины дворянских сословий, собравшие под началом отважной Джанет большой отряд. Удивительно, насколько сплоченными могут быть дамы, если их влечет общая идея! Вот и они убедили своих отцов и братьев, проливавших свою и чужую кровь впустую, остановить войну. Потребовался довод – официальное подтверждение консилисткой церкви, что выйти из монастыря и стать королем снова юный Ромен уже не сможет, и тогда, хоть и без особого желания, люди сложили оружие. Вот только, несмотря на свою победу, Джанет Эртон, Иоганна Дальгор, Мика Найто и Лейла Анвар, как представительницы Великих Домов и зачинщицы кровопролитий в родовых землях, были казнены, ведь ради достижения цели им пришлось идти на страшные деяния. Кроме того, глава консилисткой церкви вменял в вину Джанет Эртон и Лейле Анвар похищение своих малолетних родственников, а Рафаэль Первый не захотел с ним спорить, желая иметь поддержку церкви, хоть магистр и ошибался.

Самой младшей, Мике Найто, к тому моменту исполнилось пятнадцать лет. Ровесница дочек Фрэнсиса.

Что же до его мнения, относился герцог Запада к памяти Джанет Эртон хорошо, но вот мысль, что он уподобляется ей, думая о чем угодно, кроме семьи, раздражала. И то неразумная Джанет действовала с целью уберечь племянника, пусть даже крестьяне, которым она оставила, плохо обращались с ним, а его мать Элизабет после разлуки с сыном погибла от скоротечной лихорадки.

Кто бы мог подумать, что кватрионом позднее сам Хранитель Запада допустит куда более серьезную оплошность?

Вздыхнув, герцог открыл ящик бюро, чтобы извлечь новый лист бумаги и начать письмо дочерям, когда раздался тихий стук в дверь. Неужели Дин вернулся? Не иначе чего-нибудь натворил, вот и скребется теперь, как кот лапой. Однако нет, явился молодой королевский посыльный в черно-желтой короткой куртке, отвесил Фрэнсису короткий сдержанный поклон, и передал коротенькую вдвое сложенную записку в незапечатанном помятом конверте. Читали ли ее? Даже если и так, то вряд ли нашли что-нибудь занятное.

– Кто прислал? – хмуро уточнил герцог, вытряхнув содержимое конверта на стол.

– Аноним, – коротко ответил посыльный, всем своим видом давая понять, что вспоминать и тем более разведывать обстоятельства он не нанимался, и вообще у него много дел.

И тут же, пока Фрэнсис не нашелся, что спросить еще, выскользнул за дверь. По виду не скрытный северянин, а ведет себя наоборот. Ладно, Падший с ним, надо прочесть... На обычной желтоватой бумаге было написано всего несколько слов:

«Уважаемый герцог Эртон. Уведомляю вас, что сегодняшним утром, 6 дня месяца Осеннего Тепла, ваш порученец Дин Мейсон отправится на дуэль с двумя вызванными им молодыми дворянами из Донгмина. Случайно став свидетелем этой сцены, я, как уроженец Запада, счел своим долгом предупредить вас об угрозе жизни вашего вассала».

Подписи, разумеется, не стояло, но Фрэнсиса Эртона заинтересовал странно знакомый почерк; он нахмурился, склонил набок голову, и долго вглядывался в аккуратные и узкие с низким наклоном буквы. Что же это за внимательный человек, не представившийся и не являющийся вассалом герцога, но решившего косвенно помочь Дину? Дворянин ли он или просто предупредительный горожанин из Эртвеста, коих немало в столице?

Фрэнсис крепко задумался над этим, но сделать ни единого вывода не успел – за дверью послышались очень тихие и осторожные шаги, словно кто-то крался мимо. Да так оно и есть! Но в тяжелых сапогах не очень-то покрадешься, так что он быстро встал на ноги, заскрипел зубами от резкой боли в спине, однако успел распахнуть дверь кабинета до того, как взъерошенный, покрасневший и с тревогой озирающийся по сторонам Дин Мейсон юркнул в отведенную ему комнату. Ворот дублета небрежно распахнулся, с приоткрытых губ срывалось тяжелое дыхание, значит долго бежал. Ну что же...

– Сударь, – хрипло и недовольно окликнул его Фрэнсис, – остановитесь. Идите-ка сюда.

Застигнутый врасплох мальчишка вздрогнул, обернувшись, но не растерялся и широко улыбнулся своему сюзерену, и с каким-то внутренним теплом герцог узнал солнечную улыбку Джонатана в молодости. Они вместе служили, а потом граф потерял ногу во время очередного набега аранийцев на границу, и перестал смеяться. Стал хмурым, укрепив свою неразговорчивость – бедный старый друг.

– С добрым утром, монсеньор! – отчеканил он, направившись к Фрэнсису, но улыбка тут же погасла, и выражение лица порученца стало виноватым. – Я думал, вы еще спите.

– Уже наступил день, сударь. Зайдите ко мне.

– Да, сейчас...

Посторонившись, герцог впустил понурого Мейсона в кабинет, плотно закрыл за собой тяжелую дверь и встал возле нее, скрестив на груди руки. Мальчишка продолжал переминаясь с ноги на ногу, разглядывая с повышенным вниманием блестящие носки черных сапог, а Фрэнсис молча изучал его внешний вид. Состоялась дуэль или нет, неизвестно, однако Дин не ранен, неужели в столь юном возрасте одолел обоих соперников? С другой стороны, уроженцы Востока в основном не особо заинтересованы в фехтовании и тренируются поспешно, только если есть угроза войны. Но есть и те, кого обучают с малых лет, однако Дину повезло не нарваться на них.

– Мне прислали записку насчет вашего поведения, – сурово сказал Фрэнсис, продолжая смотреть на покорно опущенную темно-русую макушку юноши свысока. – Будьте любезны объясниться.

– Я сбежал из дворца, – порученец не стал кривить душой. – Выход отсюда возможен, но нежелателен. Я подумал, что имею право на прогулку, потому что донгминцы покидали дворец...

– И вы решили взять с них пример, – подытожил герцог. – Прекрасно, сударь.

– Разве Донгмин – плохой пример для подражания? – осмелился задать дерзкий вопрос Мейсон.

– Речь идет не про Донгмин, как часть Фиалама, – покривил душой Фрэнсис, с юных лет питавший к восточникам некоторое предубеждение, – а про поступки людей. Но не будем об этом. Расскажите лучше о причине, побудившей вас бросить вызов двум взрослым людям.

– Они не совсем взрослые, – хитро улыбнулся Дин, пытаясь хоть как-то оправдаться, но, наткнувшись на сурово-вопросительный взгляд герцога, тихо вздохнул. – Как я мог пройти мимо, неано Эртон, если они рассказывали анекдоты про Запад?

– Кажется, вы забыли о том, что я объяснил вам в дороге, – с ворчливой назидательностью произнес Фрэнсис. – Если станете чуть что хвататься за оружие, то долго не проживете. Жаль, что вы не прониклись этой простейшей истиной.

– Но я, как западник, не мог пройти мимо...

– И очень зря. Вам не пристало опускаться до их уровня, лучше расскажите, как прошла дуэль, – отойдя от двери, герцог сел в мягкое кресло с зеленой обивкой, положил руки на подлокотники и выжидающе взглянул на нерадивого порученца.

Тот огорченно вздохнул и махнул рукой, а затем еще ниже опустил голову.

– Дуэли не состоялось, монсеньор, – прошелестело совсем тихо. – Ее решено перенести.

– Хм. Почему же?

– Нас заметили городские стражники, и пришлось убегать, – расстроено сообщил глупый мальчишка. – Оказывается, проводить дуэли возле церквей нельзя, особенно, во время утрен-

ней службы, а мы и не знали. То есть я конечно бы знал, если бы жил здесь подольше, а вот они, – в светлых глазах сверкнула озорная дерзость, – не имели сведений о правилах дуэлей вообще! Понимаете?

– Понимаю, – устало отозвался Фрэнсис. – И запрещаю вам приближаться к любому дуэльному месту хоть завтра, хоть в любой другой день, иначе я буду вынужден принять меры и написать графу Мейсону о вашем отвратительном поведении. Понятно?

– Да, монсеньор, – обиженно пробурчал себе под нос мальчишка.

Кажется, на этом неприятный разговор завершился – по крайней мере, герцогу Эртому очень хотелось верить, что Дин не полезет больше ни в какие аферы. Так что, дав ему задание прочитать книгу по военной тактике, Фрэнсис вернулся к письму, которое хотел написать дочерям, поскольку оно требовало его полной сосредоточенности. Порученец же, немного потоптавшись на месте, ушел исполнять приказ.

Наверное, не стоило брать его с собой – однако Джонатан, попросив за сына, очень надеялся на старого друга, потому что сам отправляться не мог из-за увечья. Кто же знал, что за мальчишкой нужен присмотр? А Фрэнсис не в тех годах, когда можно ретиво бегать туда-сюда, контролируя порученца, у него ноют по вечерам ноги и болит от резких движений спина. Придется долго приходить в себя после дороги из Эртвеста в Вету, однако, это не самое страшное, главное – объяснить дочкам все как есть, и на отдельном листе рассказать доходчиво, как, в случае его смерти, отвязаться от притязаний сынков Эдварда Эртона. Ах, как хотелось бы верить, что все будет идти хорошо, и что родовой замок достанется тем, кому старшая Вилма отдаст свое сердце...

И Фрэнсису хотелось верить, что это будет не Гай Силиван. Странная и темная семейка всегда внушала ему опасения, особенно после таинственной кровавой смерти графов Кэйнов, случившейся лет сорок назад или около того. Хорошая была семья, богатая на красивых рыжеволосых женщин, и, останься они в живых, двоюродные братья Эртоны породнились бы с ними, а так Эдвард взял в супруги сестру Льюиса Холта – того самого, за кого Фрэнсис поспешно сосватал Гульду, а сам герцог Запада женился на северянке Хелене Винтер. Талнор находится рядом с Эртвестом, так что северяне и западники довольно часто вступают в брак.

А повелось это давным-давно, кватрионе в девятом, когда во время войны между Севером и Западом молодая сестра Эртвестского герцога явилась, пробравшись сквозь толщу зимнего ветра и невыносимого холода в Талнор, дабы предложить герцогу Дальгору брачный союз.

Стариковские мысли захлестнули Фрэнсиса, пока он писал письмо, так что процесс затянулся. Ставя перо в чернильницу, он подпирал морщинистой ладонью щеку и, то улыбаясь, то хмурясь, вспоминал невозвратное прошлое. Жаль, что семью Кэйнов не спасти, а с другой стороны, мошенники в ней жили, похуже самих Силиванов подчас, однако, тоже Творцовы создания и грешно думать о мертвых плохо. А теперь нужно вложить письмо в конверт, запечатать, и вручить личному посыльному Джону, благо, что гонцы могли покидать дворец беспрепятственно.

Дальнейший день тянулся слишком медленно и бестолково, и Фрэнсис не знал, чем себя занять кроме писем и книг. Старые кости, к тому же, вечером заныли из-за вновь начавшегося ливня за окном, пришлось обратиться к королевским лекарям, но даже они не смогли предло-

жить западному герцогу чудодейственную мазь от неприятной тягучей боли. Когда стемнело, он велел зажечь свечи, закутался в меховой халат, присел к столу и взял первую попавшуюся книгу из тех, что днем по его приказу принес Дин. Как ни странно, она оказалась содержащей в себе ту самую пьесу про Эльду, Раймонда и Ганнона, но читать полную версию того сокращенного убожества, что он увидел на сцене, оказалось довольно приятно. Жаль, что глаза стали слипаться, не успел Фрэнсис и до середины дочитать – пришлось заложить книгу и позвать слуг, чтобы помогли переодеться.

Молодые и расторопные Джад и Кайл справились со своей задачей быстро, и, когда герцог улегся, кто-то из них задул свечу. Заметить он не успел – сполз ночной колпак, а потом резко наступил сон, впрочем, это Фрэнсиса не спасло, выспаться этой ночью ему не удалось из-за нагрянувших кошмаров, сменяющихся бессонницей. Странно, даже в тавернах, где останавливался он со свитой, сон не оставлял герцога своей милостью, а тут что? Раздраженный и измученный дурными сновидениями, Фрэнсис беспрестанно переворачивался с боку на бок и проклинал старческое бессилие. Ему снилось что-то темное, бесформенное и страшное, тянувшее к нему лапы и не желающее отступать, несомненно, это была сама смерть, да еще и проснулся после последнего кошмара он, чувствуя, как резко и неприятно колет сердце.

Дурной знак. Давно умерший отец тоже на подобное жаловался за два месяца до кончины – но и было-то ему под восемьдесят. Фрэнсису же шестьдесят один год, рано умирать. Надо будет утром обратиться к лекарям, за целебными настоями, если доживет, а пока – спать. Погрузиться в плавно охвативший гладкой пеленой сон, уйти навстречу отдыху, не задумываясь ни об одной своей печали. Наконец-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.